

18+

С. Миронов

ПО МОТИВАМ ТОГО, ЧЕГО НЕ БЫЛО

Сергей Миронов

По мотивам того, чего не было

«Издательские решения»

Миронов С. С.

По мотивам того, чего не было / С. С. Миронов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509461-2

Книга. Довольно интимная, прилично личная и сравнительно честная (словом, исключительно нелепая и неуместная), эта книга не расскажет вам ничего нового. Она лишь напомнит о том, что вы и так знаете. О человеке. О городе. О любви. О прошлом. Об одиночестве. О времени. И о реке...

ISBN 978-5-00-509461-2

© Миронов С. С.
© Издательские решения

Содержание

Как тебя полюбить, моя жизнь?	6
Арлекин	11
Сережа	15
Фуникулерщицы	19
Черный копатель	26
Утопленник	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

По мотивам того, чего не было

Сергей Сергеевич Миронов

© Сергей Сергеевич Миронов, 2020

ISBN 978-5-0050-9461-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается времени, над которым я не властен,

Моей собаке, над которой я не властен,

И любви к женщине, над которой, слава Богу, я властен...

Как тебя полюбить, моя жизнь?

*...Даже самая незначительная вещь на земле многое способна изменить.
Что уж говорить о человеке, что желает вокруг себя перемен?*

Конец декабря месяца, а сегодня впервые запахло зимой. Воздух вдруг стал тяжелее, а все запахи слились воедино во что-то острое, враждебное, режущее нос. Сыро, серо и тревожно. Почему-то зимой мне всегда делается тревожно.

И все-таки я люблю зиму. У холодов своя атмосфера – одинокая и спокойная. На улицах меньше людей. Тише. Время становится тягучим и болезненным. Вдруг находится тысяча причин никуда не пойти, а просто побыть дома, читая книгу. А еще зимой всегда чего-то хочется. Хочется согреться, хочется весны, хочется фруктов или просто уехать. Уехать от зимы. Я по-своему люблю зиму.

Вопреки всему, этот город я тоже люблю. Прежде всего потому, что он совсем не такой, каким мне бы хотелось его видеть, каким он, на самом деле, должен быть. Я давно уже не получаю от него удовольствия. Он постепенно превращается во что-то эклектичное и стеклянное, напрочь лишенное индивидуальности и красоты. Меня почти все тут раздражает, и почти все хочется изменить. Пожалуй, именно по этой причине я и люблю Киев – за то, что в нем для меня все не так.

Сегодня с самого утра меня преследовало навязчивое желание прогуляться по центру. Эта затея казалась мне очень даже хорошей – сменить картинку и немного поностальгировать, как я полагал, будет весьма полезно. Но сейчас бродить по кишасшему людьми городу мне не хочется – еще слишком рано, и центр переполнен бегущими куда-то людьми, своим неистовым мельтешением погубившими мое робкое желание совершить небольшой променад.

Когда-то я довольно часто выбирался на прогулки по немногочисленным островкам старой застройки, хаотично разбросанным по центру города. Эти клочки – последние места, где сохранилась особая киевская атмосфера и хранители этой атмосферы – увядающие дедушки-шахматисты в бледно-коричневых беретиках, круглый год не расстающиеся со своей затертой до дыр игровой доской, и их древние женушки с крашеными марганцовкой волосами, в поисках морозной свежести по-прежнему вывешивающие свое потрепанное нижнее белье на балконе, а истлевшие пододеяльники – во дворике.

Чаще всего подобные рейды происходили ночью или рано утром, на рассвете, когда на всю улочку только и был слышен звук пучка веток, которым не успевший протрезветь дворник скреб городской асфальт. Звук метлы всегда ассоциировался у меня с чем-то хорошим, поскольку домовые работники предпочитают выполнять свою работу тогда, когда этого никто не видит, чтобы остаток дня закладывать за воротник, укрывшись в сыром подвальчике от посторонних глаз. В моменты, когда мягкое монотонное «пшиииик-пшиииик» было едва ли не единственным на всю улицу звуком, я наслаждался этим городом. Жаль, но теперь желание гулять по ночному Киеву у меня возникает крайне редко. Все, чего мне в последнее время хочется – это забиться в самый дальний угол, ни о чем не думать и тем более никуда не выходить.

Порой мне кажется, что я медленно схожу с ума, постепенно погружаясь в пучину безумия. Не агрессивного безумия, а вроде как созерцательного, чертовски безумного безумия. Я замыкаюсь в себе, планомерно ухожу от действительности. С каждым днем мне все тяжелее и тяжелее отличать реальность от вымысла. Сил моих больше нет. Я так больше не могу. И не хочу.

Мне безумно тяжело. Полтора года, полтора проклятых года – и все без толку. Жизнь теряет свои краски. Мелочи, всегда приносившие мимолетное удовлетворение или хотя бы

улыбку, больше не вызывают почти никаких эмоций. Мир стал похож на гротескные зарисовки дерьмового художника: страдание, непонимание, безысходность и боль. Я боюсь закончить то, что начал, то, что давно уже должен был закончить, и мне страшно, невообразимо страшно даже от одной мысли о том, что будет дальше. Пока я не закончил – жизни нет, есть только надежда на жизнь. Когда я закончу – не станет ни надежды, ни жизни.

Я не всегда был таким. Когда-то мне хотелось жить, любить и даже развиваться. Я верил во что-то, часто мечтал. Каждую ночь, засыпая, я в мельчайших подробностях представлял свое будущее, продумывал последующие шаги на пути к успеху, вспоминал ушедший день и размышлял над тем, что сделал не так, а чего не сделал вовсе. В те далекие времена я мог испытывать чувства – настоящие, чистые чувства к людям, вещам и даже к городу. Я был одержим идеей самосовершенствования и презирал растрату времени впустую. А еще я был абсолютно уверен в том, что впереди меня ждет что-то такое, о чем другие и мечтать не смеют.

А теперь? Теперь – апатия. Полное отсутствие желания что-либо делать. Никаких мыслей о будущем. Мечты более не будоражат мое воображение – их нет. Когда я ложусь спать – я ложусь спать. Я становлюсь слабым, аморфным и бесхребетным. И вот мне уже хочется тишины и покоя, а не окунуться в жизнь с головой, хочется скрыться от этого мира, а не изменить его, не покорить, как хотелось когда-то. Мне хочется убежать. Просто бежать куда-то до тех пор, пока не упаду замертво, пока попросту не станет все равно...

Днепр. К его былой мощи и безвозвратно утраченному величию я всегда питал симпатию. Некогда могучий Днепр нынче мрачен. Нудно течет его черная вода поскорее из этого города. Эта река ненавидит людей: они покорили, уничтожили ее. Днепр стонет от боли, но что он может противопоставить сотням и тысячам людей, бесстрастно и цинично его уничтожающим? Это мертвая река. Лучшие ее дни давно позади. Больше она не приносит радости. Лишь хлопоты и воспоминания.

Стоя у парапета набережной, я наблюдаю за монотонным течением реки и человеком, который неприкаянно бродит по противоположному берегу. Что делает он на острове, да еще в такое странное время? Я бы с радостью понаблюдал за ним еще немного, однако мне пора идти.

Фуникулер. Я люблю фуникулер. За неспешное, пожалуй, даже слишком медленное движение, мерное покачивание, незамысловатую угловатость и замечательную предсказуемость. Я люблю места, которые он соединяет, и даже его сотрудников: немного ленивых, нарочито небрежных и показушно принципиальных. Особенности это люди: с утра до вечера кататься по одному и тому же маршруту в двести с лишком метров то вверх, то вниз, то вверх, то вниз... Интересно, фуникулерщицы приветствуют друг друга при каждом рейсе или только в начале рабочего дня? А вдруг они вообще никогда не встречались, поскольку когда одна из них наверху, другая – внизу...

Я приобретаю жетончик у женщины с типичной для кассирши внешностью: угловатой, пышноватой и официальной; опускаю его в щелку и пробираюсь на перрон. Вагончик только что отъехал, и у меня есть минутка до прибытия его брата-близнеца. Это время я с удовольствием потрачу на то, чтобы как следует рассмотреть немногочисленных пассажиров.

На платформе всего несколько человек. Среди них ничем не примечательная супружеская пара, мужик с выпученными, словно при Базедовой болезни, глазами, некрасивая девушка с огромными наушниками, да господин с букетиком белых хризантем, который и привлекает мое внимание.

Одет он аккуратно, однако вещи его – из самых дешевых, как и стоптанные ботиночки о рыжей коже, до блеска натертые ваксой. Рядовая, ничем не запоминающаяся внешность по своему привлекает, но самое главное достояние этого мужчины – его удивительно печальные глаза глубокого зеленого цвета, заглянув в которые я не могу отделаться от мысли, что он несчастен и одинок.

Тем временем на нижнюю станцию прибывает небесно-голубой вагончик. Его появление самым положительным образом сказывается на всеобщем настроении. Кажется, даже печальное лицо мужика на миг озаряется улыбкой. Мне и самому становится радостно – я давно не катался на фуникулере и даже успел по нему соскучиться. Я проскакиваю в открывшиеся дверки и занимаю свое любимое место – в нижней части, у окошка, откуда открывается прекрасный вид на город.

Всего через несколько мгновений я наверху. Вояж в этой скрипящей жестяной банке оказался слишком коротким, и я не успел как следует им насладиться. На выходе из станции я замечаю подозрительного мужика с огромным рюкзаком, из которого выглядывает черенок лопаты, а так же старого знакомого – бродягу Арлекина. Он все еще жив, надо же! Как всегда, углубившись в свои мысли и что-то нервно нашептывая, он проследовал мимо, не признав во мне старинного приятеля. Я не стану за ним гнаться, не сегодня: я не в духе. Но я искренне рад, что старик еще с нами. Давно я его не видел, думал – издох, допился до чертиков... Но нет, жив еще, старая каналья!

Появление бродяги вызвало во мне прилив воспоминаний о былой жизни, о былой моей беззаботной жизни, в которой не было места сомнениям и лишним мыслям. Много воды с тех пор утекло. Я изменился, мир вокруг меня тоже изменился, и только старый уличный пес Арлекин все такой же – лихой танцор и пропойца, хитрец и бездельник, знающий жизнь с какой-то особой, мне, пожалуй, неподвластной стороны. Я рад, я чрезвычайно рад, что он еще топчет своими стопами эту грешную землю.

Воспоминания. Нахлынули, стервецы. Как много всего меня связывает с Киевом! Тут я родился и вырос, тут прошло мое детство и большая часть сознательной жизни, но в последнее время я совсем перестал понимать этот город. Что-то изменилось, и каждый раз, когда я принимаюсь размышлять о Киеве, я чувствую горечь и ностальгию. Все новое, что появляется в городе, ему совершенно не подходит, а чаще всего и вовсе вредит. Сколько бы ни старался, я не могу заставить себя относиться к Киеву так, как когда-то. Я помню его совсем другим – тихим, спокойным и интеллигентным. Жизнь здесь всегда текла удивительно неспешно и размеренно, словно на курорте. В Киеве ничего никогда не происходило, и ему было присуще любимое многими провинциальное обаяние. Это был уникальный город – при своем размере и статусе столицы, быт тут мало чем отличался от быта в деревне. Но теперь это безликий, серый город. Разве у Киева осталось лицо? Разве он по-прежнему чем-то отличается от сотен других городов?

Быстрым шагом я пересекаю площадь перед монастырем, и проскочив заполненный автомобилями перекресток попадаю в густой поток самой разношерстной публики, фотографирующей городские панорамы на мобильные телефоны. Полагаю, эти фото в скором времени займут свое почетное место в чреде других подобных, размещенных в инстаграме с громким пафосным названием вроде: «@romantic777dreamer». Они встанут в один ряд с другими «фотошедеврами»: прошлогодним «Алуштинским закатом», позапрошлогодним «Львовским восходом» и ежегодными фото беспородной неврастеничной собаки на дивно коротких лапах, которую все родственники причислили к очень умным просто потому, что когда-то она украла котлеты со стола. Разве глупая собака может украсть котлеты со стола?

У меня возникает непреодолимое желание сменить картинку, и я сворачиваю на ближайшую улочку, которой оказывается переулок Аллы Тарасовой. Тут, среди потрепанного прошлого этого города, я чувствую себя куда комфортнее.

Милый моему сердцу старый дом потерял. Он и так никогда не отличался лоском, но в последнее время бедняга совсем стух. Недолго осталось этому мандариново-лимонного цвета домику под номером шесть. Следующее по улице здание уже принялся кромсать стальной ковш экскаватора, значит, скоро дойдет очередь и до этого. Обидно, но с каждым годом таких строений остается все меньше и меньше, а значит становится меньше и самого Киева.

Пожалуй, осмотрю-ка я любимый домик. Быть может, я вижу его в последний раз, и когда снова окажусь тут, его уже не будет.

Территория вокруг загажена донельзя: публика, проживающая в доме номер шесть, никогда не отличалась культурой. На звук моих шагов является болезненного вида щенки, который похож на все известные мне породы собак, хотя и очень отдаленно. Ведомый щенячьим любопытством, он бесцеремонно принимается обнюхивать мои кроссовки. Топнув ногой, я наглеца отгоняю, но он оказывается с характером и принимается мне мстить, подняв истерический лай.

Подгоняемый щенячьими проклятиями, я поворачиваю назад. Из-за угла дома выныривает бородач с одутловатым красным лицом и тяжелыми веками. Он молча проходит мимо и, подойдя к одному из забитых фанерой окон, принимается в него дубасить, требуя, чтобы некто под именем Батон немедленно ему открыл. Батон, впрочем, двери открывать не спешит, из-за чего бородач злится и постепенно трезвеет. Едва я оказываюсь за воротами, мне навстречу показывается собутыльник Батона и того второго. Признав во мне своего, он сирым голосом спрашивает:

– Шо, не пускает?

– Помер, наверное, – безмятежно отвечаю я и продолжаю свой путь.

Миновав зеленый строительный забор, который призван скрыть от посторонних глаз очередное преступление – снос старого-престарого особняка, переступая через груды строительного мусора, я направляюсь вниз по улочке. Достигнув Михайловского переулка, я решаю навесить один симпатичный дворик, который совершенно случайно обнаружил во время одной из ночных прогулок по городу много лет назад. Страшно себе представить, во что, учитывая современные тенденции, он мог за это время превратиться...

К сожалению, количество таких двориков стремительно сокращается, а те, что пока выстояли в неравном бою с бездушными застройщиками, меняются на глазах, постепенно приходя в упадок и запустение. Подобные места всегда существовали исключительно благодаря киевлянам, которые своими стараниями и средствами поддерживали в них порядок и особую ауру, неотъемлемой составляющей которой являлся стол для игры в домино, аккуратно сложенные «про запас» под чьими-то окнами кирпичи, наполовину истлевший «Запорожец» или, на худой конец, «Москвич», лабиринты бельевых веревок, толстый кот без глаза и как минимум по одной лавочке у входа в каждое парадное. Но с каждым годом граждан старой закалки становится все меньше и меньше – они безбожно стареют и бессовестно умирают, отчего страдают и любимые дворики. Вымирающая киевская интеллигенция: уходя в мир иной, заберет она с собой слишком многое, почти все, что осталось у этого города – остатки атмосферы и последние осколки его самобытности.

Одна из таких старушек как раз устала на меня со своего балкончика. Как и положено, она контролирует каждый мой шаг с того самого момента, как я сунул свой нос в подконтрольный ей двор. Едва я приближаюсь к кормушке для птиц, в прошлой жизни бывшей трехлитровой «Моршинской», а ныне до отказа наполненной семечками подсолнуха, бабушка начинает нервно нашептывать себе под нос проклятия. Теперь ясно, что с таким остервенением бдит бабуля...

Сопровождаемый хмурым взглядом, я минуя скворечник и через арку выхожу на улицу. После сонного покоя дворика Софийская кажется невероятно загруженной транспортом и людьми магистралью. Мимо меня с неистовым ревом проносится забитый до отказа троллейбус – он спешит за толпящимися на остановке людьми. Вниз я, конечно, не пойду: там граждане, там Крещатик. Я беру правее и вскоре снова оказываюсь на Михайловской.

Улочки в этой части города узкие, идущие то вверх, то вниз. Пожалуй, такие вот улочки – лучшее, что осталось в Киеве. Мне до боли обидно, что последние островки чего-то настоящего гибнут прямо у меня на глазах. Но что я могу поделать, что могу противопоставить этому варварскому действу? Порой мне кажется, что я единственный, кому до этого есть дело. Это,

конечно, не так, и в городе еще остались люди, не безразличные к его судьбе, да только это мало что меняет. Киев медленно, но верно умирает, а на его месте вырастает совершенно новый город. И мне это, признаться, не по душе.

Впрочем, эти круто спускающиеся от Владимирской к Крещатику переулки едва ли не самое мое любимое место в городе. Есть в них что-то особенное, аутентичное, киевское... Возможно, из-за того, что тут сохранилась старая, царевых времен застройка, а быть может, я просто люблю перепады высот и узкие улицы. Пожалуй, у каждого человека должно быть любимое место в родном городе, вот я и выбрал свое.

Несмотря на обилие прохожих, я с удовольствием продвигаюсь по переулку Шевченко. Достигнув перекрестка, поворачиваю на Малоподвальную и вскоре набредаю на детскую площадку и небольшой увитый плющом скверик. Натертая до блеска латунная табличка у входа гласит: «Майданчик обладнано за підтримки дитячої організації „Х“». Детская площадка, впрочем, почему-то ограждена высоким забором, а на калитке болтается огромный навесной замок.

Добравшись до Паторжинского, я беру левее, в направлении Прорезной. В очередном любимом мною дворике произошли непоправимые изменения: он зачем-то обзавелся забором, который препятствует доступу к ныне вечно пустующей лавочке. А ведь когда-то таких скамеек тут было несколько, и любой желающий мог присесть, перевести дух и насладиться атмосферой старого города. Признаться, я и сам не раз пользовался гостеприимством этого места, и, протирая на лавке свои штанишки, мечтал о чем-то, чему никогда не бывать. И снова воспоминания. И снова от них становится грустно...

Ко всем прочим бедам, продолжая движение вниз, я в очень скором времени окажусь на Крещатике – пожалуй, самом мною нелюбимом месте в этом городе. И вот что странно: дело тут отнюдь не в архитектуре, не в «сталинках». Их витиеватые фасады, их шпили, напоминающие церковные, только со звездой вместо креста, не так уж и плохи. Определенно в них есть какая-то эстетика. Словом, дело вовсе не в них: вся крамола в людях, которых притягивает эта улица. Я бы с радостью обошел эту магистраль стороной, но это, боюсь, невозможно, ибо по странному стечению обстоятельств конечный пункт моего маршрута расположился именно на Крещатике.

Парадокс: я нашел свой островок покоя и тишины прямо посреди едва ли не самого людного места в городе. Пожалуй, в этом заведении нет ничего особенного, что выделяло бы его из числа многих других, и все же я выбрал именно его. И сейчас, когда перед глазами предстает неприметная вывеска кафешки, мое настроение улучшается, а поток исключительно негативных мыслей постепенно сходит на нет. Вывеска – это хорошо. Для меня это кое-что да значит.

Арлекин

Всю свою жизнь я пляшу под чью-то дудку. Иногда по собственному желанию, иногда против. Почти всегда против. Под дудку ожиданий, страхов, предрассудков и необходимости пожрать. И сейчас я пляшу под чужую дудку. С нарочитой экспрессивностью, лихо управляясь с тем, что осталось от некогда вполне благообразного тела. Ответ на вопрос: «Зачем я это делаю?», выписывает в воздухе неопределенные па, скручен в трубочку и является бумажкой, розовый цвет которой идентифицирует ее номинал в десять украинских гривен – столько мне пообещали за короткий танец. И хотя танцевать совершенно не хочется, желание выпить сильнее усталости и даже гордости.

Оговоренное время танца проходит, но к неопишуемому восторгу собравшихся я продолжаю плясать. Что гонит меня вперед, что заставляет кривляться? Интерес. Я внимательно разглядываю тех, кто не узнал меня. Еще бы! Мои сальные выцветшие волосы спадают по самые плечи, густая с проседью борода покрывает щеки, истертую шапку я надвинул на брови, а изъеденным молью шарфом укутал шею и подбородок – у них нет ни единого шанса меня узнать.

И я продолжаю танцевать – наслаждайтесь! Почувствуйте, что ваши деньги могут все. Это – иллюзия. Быть может, своими яркими и зажигательными телодвижениями я смогу убедить вас прибавить к десяточке еще что-то? Что в наше время можно купить за червонец? Даже тепла в желудке не ощутишь. Ну, разумеется! Ни копейки не накинули! О справедливости никто из вас и слыхом не слыхивал.

Трясущимися от злости руками я выхватываю протянутую купюру и направляюсь в сторону фуникулера, но не успеваю сделать и нескольких шагов, как меня снова начинают звать:

– Эй, бомжара! – я невольно наостряю уши. – Слышь, бомж, станцуй еще! – я останавливаюсь. Эта мимолетная слабость встречена взрывом победного хохота.

– Давай, бомжара, танцуй! – презрительно бросает кто-то из компании.

После услышанного мне не хочется терять на них ни минуты. Возомнили, что можете меня купить? Как же! Вслед одно за другим продолжают сыпаться предложения, с каждым разом становящиеся все более и более привлекательными. Подвыпившая компания требует продолжения праздника и ради этого готова пойти на определенные финансовые уступки.

– Еще десятка!

– Пятнашка!

– Бомжара, дам двадцатку! – наперебой кричат пьяные гости площади.

Я замираю. Двадцать гривен – это целое состояние. А с учетом полученной ранее десятки вполне можно приобрести не жалкий мерзавчик, а полноценную поллитровку и упиться в говно. Незаметно для окружающих я обвожу языком обветрившиеся губы – во рту пересохло, а утроба давно уже требует горячего.

– Бомжара, даю сорокет, но ты должен будешь спеть! Учти, больше не дам!

– Смотрите, задумался! – компания заливается дружным смехом.

– Если накинешь десятку, он тебе еще и стриптиз станцует! – Новый взрыв хохота поражает сдержанное молчание площади.

– Только пока он будет раздеваться, мы тут все задохнемся! – кураж за моей спиной продолжается.

Я разворачиваюсь и делаю несколько шагов по направлению к весельчакам. В моих глазах стоят слезы, а руки сжаты в кулаки. Если бы вы... если бы вы меня узнали, что бы сказали тогда? Как бы запели? Ну, чего заткнулись? Смутились неожиданным зрелищем вырвавшихся наружу эмоций? Не ожидали узреть таковые у прожженного водкой и мочой обитателя улиц?

– Ублюдки! – тихо произношу я и направляюсь прочь, толкая впереди себя деликатно поскрипывающую тачанку, в прошлой жизни бывшую детской коляской. Какое-то время из-за

спины не слышно ни звука, однако едва я заворачиваю за угол Михайловского собора, с площади снова доносятся пьяные крики, а затем и знакомый звонкий смех – нашли себе новую жертву.

Проходя вдоль высоких стен монастыря, отдающих таинственностью и святостью, я погружаюсь в раздумья, как вдруг идущий передо мной мужчина резко дергает наперерез, да так, что я едва на него не налетаю. Я останавливаюсь, чтобы высказать нерадивому пешеходу все, что о нем думаю, но перестук стекла меня отвлекает: в мусорник выброшена бутылка. Я припарковываю свою тачанку прямо посреди тротуара и отправляюсь за ценным трофеем. Выудив стеклотару, я брезгливо вытряхиваю остатки содержимого, после чего прячу ее в большую клетчатую сумку – к другим, ранее собранным по дороге сюда, ценностям.

У входа на станцию фуникулера я встречаю молодого сорванца лет семи, который, ткнув в меня пальцем, уточняет у полненькой миловидной мамыши, зачем дяде столько пустых коробок и бутылок. Оттащив малыша в сторону, мамочка что-то злобно рычит ему на ухо: видать, не в первый раз малыш своей непосредственностью ставит ее в неловкое положение. Я не обижаюсь. Будь я ребенком, мне бы тоже захотелось узнать, зачем человеку может понадобиться такое количество этого, на первый взгляд, бесполезного барахла. Едва ли в таком возрасте даже самый сообразительный малыш способен понять, что такое бедность и до чего порой она доводит людей. Даже некоторые взрослые не в состоянии этого понять, что уж о детях говорить...

Я осторожно заглядываю в холл – как правило, мне запрещают пользоваться услугами общественного транспорта, причем вне зависимости от того, готов ли я оплатить проезд или нет. Такая несправедливость здорово задевает. Отсутствие культуры, черствость, обманчивое ощущение собственной значимости и власти среди работников транспортной отрасли этого города носит массовый характер и едва ли поддается лечению. Как бы красноречиво, с какими бы сильными аргументами я не вступал в полемику с водителями, кондукторами или контролерами, порой даже заручившись поддержкой неожиданно проявивших сердоболие пассажиров, победа неизменно достается обладателям форменных жилеток.

Но пока никого не видно, и я решаю рискнуть: дождаться первого звонка и в момент, когда все устремятся в салон вагончика, незаметно проскочить мимо контролера. Далее только и останется что спокойно опуститься в нижнюю часть города, проследовать к пункту приема вторсырья и получить причитающиеся денежки.

Ожидая отправления фуникулера, я заглядываю в мусорный бак у входа, из которого выуживаю две пивные бутылки и картонную упаковку от печенья. Наконец, звучит долгожданный звонок. Сжимая в руке купленный давеча жетончик, я вплотную пристраиваюсь за непримечательной парочкой средних лет и незаметно проскальзываю мимо прикунявшей работницы «Киевпастранса» – тучной женщины с синими отечными ногами. Я с облегчением выдыхаю: кажется, пронесло, но тут дорогу преграждает мощная женская фигура, и командным тоном повелевает мне покинуть территорию.

Я отправляюсь к Андреевскому спуску на своих двух – мне предстоит порядком опостылевший за долгие годы спуск на Подол пешком. Радует лишь то, что по пути можно заглянуть в несколько мусорных баков, которые, ввиду специфики улицы, непреодолимо манящей не одно поколение любителей выпить и поссорить, неизменно полнятся бутылками и макулатурой; радуют заработанные танцами денежки и мысль о скорой выпивке – сейчас я сдам все собранное за день странствий по городу добро, и можно отправляться за справедливым вознаграждением – фунфырем. Я мечтательно закрываю глаза и обвожу губы языком: мне уже не терпится накатить.

Овладев по пути несколькими пустыми бутылками, я добираюсь до места назначения, но пункт приема вторсырья оказывается закрытым. От случайного прохожего я узнаю, что уже без четверти девять – ума не приложу, как я мог так долго идти. Теперь придется таскаться с коляской до утра – в доме уже месяц не работает лифт, а затащить весь этот скарб на девятый

этаж я не смогу. Впрочем, в любом случае нужно навестить родителей. Я направляюсь назад, к фуникулеру.

Поскольку спешить мне уже некуда, а на последнем рейсе и пассажиров меньше, и контроль со стороны уставших сотрудников не такой строгий, я решаю подождать до десяти часов. В назначенное время я приподнимаю задние, наиболее скрипучие колеса и на цыпочках прокрадываюсь в холл. Как я и предполагал, никто не обращает внимание на мое появление. Прямо перед носом приветливо распахиваются створки дверей, и я без промедления втискиваюсь в них со своими пожитками.

За мгновение до того, как двери с лязгом захлопываются, в вагон влетает запыхавшийся гражданин с большим армейским рюкзаком за плечами. Он с облегчением выдыхает: «фууух!», откашливается и только тогда обращает внимание на коляску, а затем и на меня, полулежащего в углу. Выдавив из себя растерянное: «здрате», он забивается в дальний угол и принимается смотреть в окно. В салоне повисает напряженная тишина, которая здорово действует мне на нервы.

– Как ваш день?

– Простите? – испуганно произносит пассажир, и я повторяю свой вопрос.

– Ничего, спасибо.

– У меня тоже ничего, – отвечаю я. Вот и поговорили.

Мужик уже давно убежал. Я медленно карабкаюсь по ступенькам до тех пор, пока позади не раздастся низкий басовитый голос:

– Ти вибач! – передо мной стоит та самая особа, что прогнала меня с Верхней станции, – я не хтіла! – заявляет она и протягивает десять гривен. – купи собі щось поїсти.

Прекрасная малолюдная ночь. Я не спеша двигаюсь по пустой улице, наслаждаясь полуночным городом. Проходя мимо дома, в котором родился, я ненадолго заглядываю во двор, затем вырুলиваю на БЖ и беру курс на Львовскую площадь. Добравшись до небольшого скверика с артезианской скважиной, я решаю немного передохнуть.

Метро я достигаю около трех часов ночи. Базарчик пустует, и лишь ночной сторож, время от времени совершающий обход, напоминает о том, что никакой вселенского масштаба катастрофы не произошло и человечество все еще существует. Я огибаю здание метрополитена и обнаруживаю себя под сияющей вывеской: «Макдональдс».

Внутри полным ходом идет уборка. Прижавшись лицом к стеклу, я наблюдаю за моющим полы мужиком. Любопытно, работает ли забегаловка в столь поздний час? Я дергаю ручку – закрыто. Мужчина жестом показывает, что нужно обойти с другой стороны. Я послушно следуя его указаниям и на торце здания обнаруживаю небольшое оконце, на котором написано: «Макдрайв – цілодобово».

Я рассматриваю большой рекламный плакат «Суперпропозиція – чизбургер і картопля», с изображением неправдоподобно аппетитных бургеров и золотистой картошки, на которой поблескивают крупные кристаллы каменной соли. Когда в последний раз я ел что-то вкусное? Сейчас у меня в кармане лежит около пятидесяти гривен, и, пожалуй, возможность снова почувствовать себя человеком стоит значительно больше. Толкая впереди себя коляску, я подхожу к кассе.

Стучать перед тем, как появляется заспанная женщина, приходится довольно долго. Зевнув и даже не удосужившись прикрыть рот рукой, работница безучастно спрашивает:

– Чего тебе?

– Мне «суперпропозицію», – указав пальцем на рекламу, отчеканиваю я.

– А деньги есть? – я протягиваю скомканные купюры.

Схватив их, дамочка недружелюбно захлопывает форточку и скрывается из виду. Я несколько раз заглядываю внутрь, пытаюсь что-либо разглядеть, но кроме большого бутерброда и картошки на плакате «Суперпропозиція – чизбургер і картопля», ничего разглядеть мне

не удастся. Спустя минут пять я понимаю, что меня обманули. Прихватив тачанку, я в расстроенных чувствах даю задний ход, пытаюсь вырулить на тротуар, но вдруг слышу:

– Эй! Ты куда пошел? Иди сюда!

Барышня теперь торчит по пояс из точно такого же окошка, располагающегося чуть дальше первого. Она улыбается пуще прежнего, и я, не вполне понимая, что во всем происходящем смешного, подхожу к ней и тоже улыбаюсь: простая улыбка, которая почти ничего не стоит, на самом деле может стоить очень много. Женщина протягивает мне увесистый бумажный пакет и большой стакан с жидкостью, после чего пожелав «приятного» захлопывает окно и растворяется в чреве ресторанчика.

Аромат еды всю дорогу терзает мой желудок: единственное, что я за весь день съел – это поллитра кефира да булка не первой свежести, которую я узрел в одном из мусорных баков столицы. Когда я добираюсь до Лукьяновского, времени уже пятый час. На улице ветрено, и температура медленно опускается вниз – в угоду зиме.

Я минуя центральный вход на территорию комплекса и по окончании забора заворачиваю налево – к моргу, под входом в который замечаю одиноко курящего мужчину в белом халате. Я вежливо с ним здороваюсь и уточняю, не будет ли он так любезен угостить меня сигареткой. Он лезет в карман халата, достает из него пачку красного «Мальборо» и вытягивает из нее сигарету. Сердечно его поблагодарив, я прошу прикурить. Мужик протягивает коробок спичек, однако заметив огромный пакет из «Макдональдса», застывает. Он удивленно окидывает взглядом тележку, затем меня.

– «Суперпропозиція», – кивнув на еду, поясняю я. Врач с облегчением выдыхает и, улыбувшись, протягивает мне пачку сигарет.

Достигнув прорехи в заборе, я пристраиваю коляску таким образом, чтобы ее не было видно с улицы и, прихватив еду, пробираюсь на территорию комплекса. У креста я обнаруживаю свежий букетик и очередное письмо, которое решаю прочесть после ужина. К моему удивлению, в бумажном пакете находится не один бутерброд, а целых три. Помимо сэндвичей, там обнаруживаются две большие картошки фри и что-то неясное в продолговатых красного и зеленого цвета упаковках с надписями «Пиріжок». Все это совершенно точно не входит в суперпредложение...

С огромным аппетитом я приступаю к ужину. Несмотря на то, что еда давно остыла, она кажется необыкновенно вкусной. В особенности по сравнению с утренним кефиром.

Разумеется, доесть все за один присест не получается. Пожалуй, при всем желании у меня не получится вспомнить, когда в последний раз мне удавалось так пожрать – я едва могу дышать и уж совершенно точно не могу двигаться. Глаза постепенно слипаются, а остатки сил, направленные на переваривание пищи, стремительно тают. Не в состоянии противостоять сну и усталости, я укладываю голову на руки и закрываю глаза.

Сереза

Душа Серези, пожалуй, требовала продолжения праздника, в то время как тело – уже нет. И хотя он не разделял издевательств над бродягой, готовым унижаться за пару гривен, наблюдать за происходящим было довольно забавно.

Бездомный, лицо которого показалось Серезе знакомым, честно отработал каждую копейку, да так лихо, что компания затребовала продолжения плясок, однако танцор заартачился. Такая несговорчивость здорово расстроила вошедших в раж весельчаков, ожидавших от отщепенца полного повиновения. Парни наперебой стали предлагать все больше денег, но это, кажется, только расстраивало бродягу. В результате палку перегнули, и на глазах у бомжа блеснули слезы. Сереза хотел было за всех извиниться: мол, никто не хотел оскорбить его чувства и все получилось случайно – выпили лишнего, однако обитатель улиц принял за грубость. Сереза разозлился. Он полез в карман за ксивой, но бродяга поступил очень мудро и умотал со своей коляской прочь.

Пребывавшие в раздражении мужики молчали до тех пор, пока на горизонте не появилась парочка патрульных. Кто-то из ребят крикнул, чтобы они подошли, и менты послушно направились к ним. Сереза притих, ожидая, чем все закончится. Полисмены, возмущенные шумным поведением компании, попросили объяснить, что тут происходит. Сереза, предвкушая ту еще забаву, закурил любимые «Каритан Блек» с вишневым ароматом – предмет зависти коллег, куривших более дешевые и менее качественные сигареты, и насмешек друзей, наслаждавшихся дорогими кубинскими сигарами.

История, между тем, разворачивалась стремительно. На просьбу патруля показать паспорт один из парней заявил, что документов у него отродясь не было, но вместо них он может показать кое-что другое. Пока шел разговор-качели, он, словно невзначай, полез во внутренний карман куртки, сделав это так, чтобы патрульные разглядели огромную кобуру и торчащую из нее рукоятку «Глока», увидав который они чуть не обделались. Сопляки завопили, чтобы все присутствующие немедленно подняли руки вверх. Сергей приказ выполнять отказался и заявил, что никакого отношения к происходящему не имеет: он просто проходил мимо и присел отдохнуть. Ситуация стремительно накалялась, пока Петя не попросил прекратить этот фарс. Сереза только этого и ждал. Со словами: «Не бздеть, салаги!», – он достал свое удостоверение и положил его на стол. Патрульные с облегчением выдохнули.

Петя жестом показал, что полисмены могут быть свободны, однако парни из компании решили их пока не отпускать и, пользуясь Серезиным служебным положением, приказали сержанту что-нибудь сплясать. Сначала паренек решил, что это какой-то розыгрыш, но когда до него дошло, что ему вполне серьезно только что приказали танцевать, он принялся повторять гнусавым голосом: «Товарищ полковник, мы же на службе, ну товарищ полковник! Что же о нас люди подумают, товарищ полковник!». И хотя Сереза считал это явным перегибом, вмешиваться в происходящее он не собирался: раз Петя всех собрал, то пускай сам с этим пьяным позором и разбирается.

Бедные патрульные! Это надо было видеть! Даже не поддерживавший происходящее Сереза реготал так, что живот сводили судороги, а по объемному лицу текли слезы: два здоровых лба в форме пляшут, а парни им хлопают и свистят. Танцами, к слову, все остались довольны. В благодарность налили по рюмочке, приказали пить. Патрульные, естественно, всячески пытались отказаться: мол, при исполнении, не положено, но под напором уговоров, тяжелых взглядов и воспоминаний о «Глоке» все-таки сдались, после чего с красными мордами убежали вон с площади.

Решили потихоньку расходиться: кое-кому завтра на работу, да и Петя, как оказалось, не железный. Если раньше он так просто никого бы не отпустил, то сегодня лишь вяло предло-

жил взять еще горькой – он угощает. Получив, однако, вежливый отказ, он настаивать не стал, так как, видимо, и сам чувствовал себя не очень хорошо.

Ежегодная встреча старых друзей подошла к концу. Компания рассосалась. Остались Петя и Сережа – допить пиво. Полковнику очень хотелось домой. Он залпом проглотил оставшиеся поллитра темного и принялся вызывать такси, но Петя сказал, что с радостью его отвезет, так как возвращаться к себе домой у него желания нет. «Куда можно в таком скотском состоянии ехать?», – недоумевал Сережа. Петя с трудом ворочал языком и совсем не выглядел как человек, способный куда-нибудь доехать без приключений. К тому же он жил в трех минутах ходьбы от Михайловской – какой в этом смысл? Петр, однако, твердо стоял на своем.

Огромный черный Мерседес последней модели был припаркован во дворе Петиного дома. Когда мужики к нему подошли, авто уже урчало, готовясь к предстоящему путешествию – современные технологии как-никак. Сережа предпринял несколько попыток пристегнуться, но никак не мог достать рукой до ремня безопасности. Петя наблюдал за ним с нескрываемой досадой.

– Ты же никогда не пристегиваешься! – воскликнул он, памятуя, что товарищ ремни безопасности из-за живота не любит.

– Да я так... Пиццать же будет! – схитрил Сережа.

– Ты что, боишься?

– Петя, да ты же на ногах еле стоишь! Зачем сейчас куда-то ехать? Давай я такси вызову – и все дела.

– Не ссы! Прорвемся!

– В том-то и дело, что я не хочу никуда прорываться. Я хочу домой! – заныл полковник.

– У тебя со мной пьяным хоть раз проблемы на дороге были? – изобличительным тоном спросил Петр.

– Были!

– Когда это? – удивился Петя.

– Когда ты в трамвай врезался.

– Ты бы еще детство вспомнил!

– Ну было же? – самодовольно заметил Сережа.

– А вот и неправда!

– Как так?

– А я же тогда не пьяный был! Я пьяным никогда в аварии не попадал – только трезвый! – парировал Петя и дал газу. Машина с визгом рванула вперед, и Сережа вжался в кресло.

Мужики притихли. Теперь Сережа припоминал, что друг был прав: он действительно никогда не попадал в аварии пьяным. Вероятно, это было обусловлено тем, что только в нетрезвом виде он осознавал свою уязвимость и понимал, что его водительское мастерство, в исключительность которого Петя свято верил, из-за выпивки может подвести.

– Заедем на кладбище? – неожиданно спросил Петя.

– Давай не сегодня. Уже поздно, да и я пьяный совсем.

– Ладно. Я там все равно утром был.

Понемногу Сережа вспоминал подробности той старой истории: как они на Петинем «двестидвадцатом» въехали в трамвай. Дело было так: ехали с Подола к нотариусу на Кудрявскую – оформлять документы на квартиру, которую он покупал у соседа Димы. Вся эта сделка с самого начала казалась Сереже подозрительной, и то, что Дима в тот же день повесился, лишь подтвердило его худшие опасения: до сих пор в голове не укладывалось, что Петр мог избавиться от человека ради квартиры. Петя, естественно, утверждал, что к смерти Дмитрия Вячеславовича никакого отношения не имеет, но это было слишком странное совпадение для того, чтобы называться совпадением.

А начинался тот день очень даже здорово – «стрелка» прошла тихо и мирно, хотя парни готовились к бойне. Ехали себе, никого не трогали, как вдруг мимо них с ревом пронесется БМВ. Лихачей парни на перекрестке нагнали, Петька окно открыл и давай расспрашивать, сколько кобыл под капотом и все в том же духе. В «Бэхе» два парня лет по двадцать и борзые такие говорят: «Ты чего, папаша, на рухляди такой катаешься?». Петя обиделся. Он очень любил свою машину, она ему дважды жизнь спасла: один раз, когда его из калаша расстрелять пытались – как бы не так; а второй, когда водила на трассе уснул, и они в кювет на скорости больше ста улетели – ни царапинки! Короче говоря, не машина, а песня. Петя следил за ней, в Германию к знаменитому мастеру красить возил, да и мотор в одном ателье под Штутгартом раскачал до шестисот лошадей – ревели похуже медведя. А тут какие-то сопляки, да еще и на БМВ!

Петя как дал по газам – нюхайте пыль! Да не тут-то было! БМВ не отстает: она легче, меньше, маневреннее, к тому же в салоне мерса четыре бревна, и все глубоко за центнер живого весу. Короче говоря, шли ноздря в ноздю: Мерс первый, а сразу за ним БМВ. И тут Петя не в тот ряд нырнул – молодежь мимо и пронеслась. Петр, само собой, давай за ними, а молокососы по тормозам: трамвай посреди дороги встал, людей выпускает. Еле затормозили, иначе снесли бы и БМВ, и всех на остановке. Но сопляки сдаваться и не думают: берут резко влево, на встречку. И сделал бы их Петя, ой сделал бы, если бы второй трамвай навстречу ему не выкатил. БМВ юркий, успел проскочить, а Петр бочину стесал об рогатого – ремонт как пол трамвайного депо стоил.

Мужик бедный – ну в чем он виноват? – выскочил из трамвая с квадратными глазами, что делать, не знает. Петр на него набросился: мол, задница тебе, бабки готовь. У того, естественно, ни хрена не было: только жена страшная как смерть, старый телевизор, проигрыватель пластинок, холодильник да квартира, с которой мороки было больше ее стоимости. Брать с него было нечего, но Петя из-за Мерседеса расвирепел и заявил: раз денег нет, будешь отрабатывать. Водила, однако, решил с бандитами не связываться и бесследно исчез.

Петя жутко злился: как пацана его кинули. Ходил на квартиру, все жену расспрашивал, где он, падла эдакая, прячется, но та ничего не знала. Махнул Петя на все рукой – не до того ему было. Послал своих, чтобы в последний раз бабу труханули и, если ничего не найдут, не трогали больше. Найти ничего не нашли, зато забрали у нее из дому проигрыватель да деньги последние. Ох, Петя тогда разбушевался! Приказал проигрыватель вернуть, но придурки эти, из боксеров бывших, его кому-то за гроши толкнули. Принесли другой, сказали: вроде один-в-один. Петя им: вроде или точно? Они мычат в ответ: не знаем. Рожи бить – это сколько угодно, а техника – не наша тема.

Пришел Петя с магнитофоном к той бабе и давай перед ней извиняться. Он – перед бабой какой-то! А она ему говорит: «Спасибо, конечно, да только магнитофон не мой. На моем переводные наклейки с женщинами были – четыре штуки, а тут пусто». Петя поражен был – вот так баба с яйцами! Уговорил ее проигрыватель оставить, все деньги вернул, даже сверху дал: на пару месяцев жизни хватило бы, да еще и на работу пообещал устроить – за утрату кормильца. Обещание свое, кстати, Петя сдержал. Боксеров потом в лес возили, что с ними стало, никто не знает. А Мерседес через пару лет угнали. Так и не нашелся.

Сережа после того случая здорово пересмотрел свои взгляды на жизнь. Он на многое готов был пойти, но с беспределом ничего общего иметь не хотел, а потому сосредоточился на работе в органах. Все, что теперь связывало его с Петей – это старая дружба и куча воспоминаний, часть из которых, однако, приятными никак не назовешь.

Парни доехали быстро и, как ни странно, в целостности и сохранности. Когда проезжали по набережной, Петр предложил прогуляться вдоль Днепра, но Сережа наотрез отказался: с него и так хватит. Петя обиделся и не прощаясь укатил домой, а Сережа с облегчением выдох-

нул: наконец-то этот день закончился! Ему не терпелось оказаться в постели: «встреча старых друзей» высосала из него все силы.

Жена за просмотром телевизора не услышала, как он пришел, и навстречу не вышла, чему полковник был очень рад, так как вступать в какие-либо разговоры желания не имел. Он направился в спальню и, сбросив на пол вещи, укутался в одеяло. Взяв стоявший на зарядке планшет, он принялся играть в «Солитер», медленно погружаясь в сон.

Фуникулерщицы

Полное лицо Екатерины Михайловны постепенно вырисовывалось в тумане немых стекол. Выдержав паузу, почти по К.С., Людмила Петровна улыбнулась и, приподняв правую руку, легким движением поприветствовала коллегу. Та улыбнулась в ответ.

«О, ти диви! З'явилася нарешті на роботі. Ну, хто б міг подумати? Всього лише сім годин, а вона все ж вирішила вийти – зробила нам таку послугу! І як її ще тут тримають? Вона ж щодня запізнюється! Цікаво, що вона видумає цього разу? Що ж із нею такого трапилось, що вона майже на чотири години на роботу спізнилася?», – подумала Людмила Петровна, едва заметно кивнув почти вплотную подобравшейся сотруднице, которая мгновение спустя медленно проплыла по ее левую руку и скрылась из виду. Улыбка мигом исчезла с лица.

«І вона стверджує, що пішла з депо за особистим бажанням – корова! Але ж я все знаю: виперли її звідти! Не схотіли терпіти таку „прекрасну працівницю“ – ні дня без запізнь та дурних історій! Налаштувала всіх проти себе своєю пикою, наглою поведінкою і цією пафосною усмішкою, от і погналі її!», – клокотало в голові у машинистки. Поверить в то, что Екатерина Михайловна по собственному желанию ушла из трамвайного депо для того, чтобы водить фуникулер, Людмила Петровна не могла и не хотела: водителями фуникулера не становятся, ими рождаются. Эта профессия для избранных и, по мнению Петровны, Екатерина Михайловна к таковым никоим образом не относилась.

«Їй нібито додому звідси ближче – вона в нас із Подолу! Теж мені центрова знайшлась! А народилася де? Я навіть назви вимовити не можу! К... к... к..? Красноперекопськ? Краснознаменськ? Красножопськ? Щось на „к“. Господи, ну як можна було так село назвати? Язик же ж зламати можна! Зі своїми правилами у чужий монастир не лізуть, курва! Приїхала сюди і думаєш, що всі перед тобою розступляться? Дадуть дорогу? Ну-ну, а як же! Хрін тобі, а не майбутнє в нашому депо!», – кипятилась Людмила Петровна, но стремительно надвигающаяся сводчатая арка и наполненный людьми перрон отвлекли ее от мрачных мыслей.

Размышления о сотруднице занимали голову машинистки почти все рабочее время с того дня, как Екатерина Михайловна оставила записку у оператора, в которой поздравила Петровну с отмечающимися в тот день именинами. Эта переписка была великолепным способом ускорить нудное течение рабочего времени, а переживаемые во время общения эмоции заполняли пустоты, коими изобиловала одинокая жизнь Людмилы Петровны.

Появление новенькой взволновало всех сотрудников, а тот факт, что она была моложе остальных, лишь только поспособствовал пробуждению от вековой спячки этого геронтологического рая. Доселе тихий и сравнительно дружный коллектив развалился как картонный домик, разделившись на два лагеря: верхний и нижний. Верхний возглавила Людмила Петровна, которая, не жалея сил и времени, судачила за спиной у Екатерины Михайловны о ее недостатках и всецело отсутствующих достоинствах; нижний являлся территорией этой профурсетки, проживавшей якобы где-то на Подоле, в чем Людмила Петровна, откровенно говоря, здорово сомневалась.

Вагончик резко остановился, и полное тело Людмилы Петровны сотряслось. Уверенным движением руки она нажала на кнопку открытия дверей и выждав, пока все пассажиры уберутся из салона, внимательно оглядела все три яруса фуникулера на предмет забытых вещей и собирающихся отправиться в путешествие по второму кругу людей. Не выявив таковых, зато обнаружив бесхозно валяющиеся на полу пятьдесят копеек, которые мигом были отправлены в карман жилетки, она полностью удовлетворилась рейсом. «Ну що ж, подивимося, що вона понаписувала цього разу», – подумала женщина и размашистым шагом, переступая сразу через две ступеньки, направилась вверх к стеклянной будке оператора киевского фуникулера – пункт передачи посланий между двумя машинистами этого незамысловатого транспортного сред-

ства, которые вообще-то лицом к лицу никогда не встречались и виделись лишь в тот момент, когда квадратные синие вагончики миновали друг друга. Не встречались они потому, что когда одна была наверху, вторая – внизу. А может и потому, что не очень-то этого хотели.

Появление Людмилы Петровны было встречено ехидной ухмылкой сотрудницы, которая с нескрываемой радостью протянула ей тетрадь. Конечно же, мерзавка все прочла, так как следила за этой перепиской с полным отсутствием стыда и совести с самого первого дня. Петровна недовольно фыркнула, открыла нужную страницу и принялась читать выведенное отвратительно красивым размашистым почерком послание:

Людочка! Ты не поверишь!

Со мной опять произошла удивительная история, из-за которой я и опоздала на работу! Хочешь, расскажу?

Петровна хрюкнула от удовольствия – и она еще спрашивает! Конечно, ей хочется услышать новую историю! Хотя бы для того, чтобы лишний раз посмеяться над неуклюжестью сотрудницы, которая, по мнению Людмилы Петровны, врать совершенно не умела и провести могла только ребенка или круглого идиота. Фуникулерщица с большим удовольствием написала: «*Ще б пак!*», – захлопнула тетрадь и направилась к своему рабочему месту.

Рейс прошел без приключений. Всю дорогу вниз, равно как и всю дорогу наверх, Людмила Петровна размышляла над тем, что Екатерина Михайловна выдумает в этот раз. Произшедшее и опозданием-то уже не назовешь! Четыре часа!

Предвкушая очередную порцию неуклюжих оправданий, Людмила Петровна выпустила пассажиров и направилась навстречу новому письму, но по выражению лица протянувшей ей тетрадь оператора поняла, что что-то не так:

Дорогая Людочка, ты не поверишь! Опоздание мое было связано с нашим дорогим и любимым Игорем Яковлевичем! Дело было вот как: я уже выдвигалась на работу, как раздался звонок. Он сам мне позвонил и спросил, дома ли я. Я ответила, что как раз собираюсь выходить, а он предложил меня подбросить, так как будет проезжать мимо. Но это еще не все – нужно бежать! Жди продолжения, подруга!

От злости Людмилу Петровну перекосило. Она едва удержалась от того, чтобы как следует не выругаться, но вовремя спохватилась: в присутствии свидетелей категорически нельзя было показывать свое отношение к происходящему. Всему коллективу было прекрасно известно, что она сама не один год предпринимала попытки охмурить начальника, но все ее многочисленные старания были вознаграждены лишь легким флиртом, да и то исключительно в рабочее время. Добиться большего, как ни старалась, ей так и не удалось. Себе Людмила Петровна объясняла это просто: импотент. В ее понимании не было такого мужчины, который способен устоять перед женскими чарами, изысканными ухаживаниями и страстью, что живет в каждой женщине, как живет она в ней самой. А ведь у Плотницкого был реальный шанс овладеть ею, познать и приоткрыть тайны ее тела и души. Она была готова вручить ключ от собственного сердца этому неуклюжему мужчине с крашеными волосами и носом-картошкой.

Тот факт, что Екатерина Михайловна управилась за месяц с небольшим, и Плотницкий на личной автомашине предложил отвезти ее на работу, не мог не всколыхнуть все естество Петровны. По правде говоря, бедная женщина давно заметила изменения в начальнике: тот стал чаще появляться на работе, ввел странную западную моду совершать каждодневные проверочные поездки в кабине, которые, естественно, чаще всего случались в смену этой драной сучки...

Людмила Петровна старательно вывела на бумаге несколько слов, после чего выскочила из рубки, придав закрывающейся двери энергии несколько больше необходимого, от чего последняя сначала надсадно крикнула, а затем горько хлопнула. Едва Людмила Петровна покинула помещение коморки, давняя от смеха оператор, съедаемая любопытством и нетерпением, ринулась к тетради и беспардонно прочла написанное: «*І що ж було далі?*».

Не в силах сдержаться, Нина Сергеевна, именно так звали свидетеля этой сцены и по совместительству оператора фуникулера, громко причмокнула от удовольствия. О том, что Петровна неровно дышит к Плотницкому, знали все, но такой неожиданный поворот событий сулил богатое поле для ее фантазий. Дело в том, что Нина Сергеевна, находясь на передовой медленно, но верно разгорающейся колоссальной ссоры, была поставщиком новостей для всего коллектива. Своей болтовней она хоть и заработала весьма сомнительный авторитет жуткой сплетницы, зато неизменно пребывала в центре всеобщего внимания и, искусно пользуясь талантом рассказчика, держала слушателей в напряжении с самого начала и до конца собственной интерпретации очередного прочитанного письма.

«Стерва!», – воскликнула Людмила Петровна, едва дверь затворилась. Проходивший мимо молодой человек неосмотрительно поднял на нее глаза, за что был вознагражден таким взглядом, что чуть не передумал воспользоваться данным видом транспорта и не отправился на Почтовую пешком. «Ніколи не повірю, що така приємна і солідна людина, як Плотницький, захоче мати щось спільне з хвйдою! Усе бреше, гадюка! Усеее!», – иступленно шептала фуникулерщица себе под нос.

Подозрительный мужчина с огромным рюкзаком и торчащим из него черенком лопаты привлек бдительное око Людмилы Петровны. Своим тяжелым взглядом она уставилась на сомнительного гражданина — тот засуетился. «А це що за опудало?», – спросила саму себя машинистка, продолжая пристально наблюдать за каждым шагом субъекта. Осознав, что сотрудницу фуникулера дежурной приветливой улыбкой на свою сторону не склонить, мужчина забился в дальний угол смотровой площадки.

Внезапно раздались крики и смех. Петровна отвела взгляд от перепуганного мужичка и направила его в ту сторону, откуда доносились режущие ухо звуки: группа школьников мгновенно притихла, увидев крупное раздраженное лицо, обильно украшенное каплями пота. Сначала Людмиле Петровне захотелось обрушиться на молокососов с руганью, выместив на них все свое безграничное раздражение, но в этом не было никакого смысла: увидев ее, дети побелели от ужаса. Если бы она с ними заговорила, кто-нибудь из этих героев, гляди, и вовсе обделался бы прямо тут, у всех на виду.

Воспользовавшись всеобщим замешательством, бездомный с детской коляской попытался проскочить на перрон, но у него ничего не получилось: Людмила Петровна не собиралась его пропускать. Она предложила бродяге добровольно покинуть станцию, но тот начал пререкаться. Не став слушать пустую болтовню, Петровна от предупреждений перешла к угрозам, сообщив, что в случае, если он сейчас же не уберется, она вынуждена будет применить силу. Для закрепления эффекта присовокупив к пугающим словам крепко сжатый огромный кулак, она напомнила, что имеет полное право без каких-либо объяснений вызвать милицию.

По холлу станции разнесся режущий ухо звонок. Нехотя Людмила Петровна направилась к рабочему месту, продолжая держать мужичка с лопатой под своим пристальным контролем. Разместившись в командном кресле, она окинула взглядом приборную панель: все в норме. Двери медленно закрылись перед носом у спешившей изо всех сил парочки – смазливой юноши двадцати лет и его высокой худой подружки. «Не пощастило», – прокомментировала Людмила Петровна. Она могла исправить это досадное недоразумение одним лишь нажатием кнопки, однако ничего исправлять не собиралась: ее и так все устраивало. Почти все.

Едва фуникулер тронулся, из салона начали доноситься неизменно сопутствующие школьникам звуки: звонкий детский смех, нечленораздельные выкрики, включенная на чьем-то телефоне паршивая современная музыка. «Нічого, з цими сопляками розберуться самі пасажери», – подумала Людмила Петровна и принялась вглядываться в медленно приближающийся вагончик.

Шум усиливался. Видимо, Людмила Петровна переоценила пассажиров, которые стоически терпели детские шалости. Да ей и самой было не до примитивных развлечений малолет-

ток. Пожалуй, рейс так бы и докатил до логического завершения, если бы к шуму не добавилось раскачивание вагона, явившееся следствием устроенных в салоне танцев. Людмила Петровна не выдержала. Схватив микрофон, она прорычала: «Ану, заспокоїлись мені там!», – с таким остервенением, что до конца рейса в вагоне не было слышно ни звука.

На обратном пути Екатерина Михайловна улыбалась какой-то незнакомой улыбкой – не то таинственной, не то злобной. Петровна почувствовала, что эта история добром не кончится и была, как оказалось, права, ибо в ожидавшем ее послании было вот что:

Когда я вышла из парадного, Плотницкий меня уже ждал. (И откуда он узнал мой домашний адрес? Не ты ли ему сказала?) Как оказалось, он и не собирался отвозить меня на работу! Он пригласил меня пообедать, так как якобы ничего не ел, и раз уж мы вот так случайно встретились (Тож же мне – «случайно!»), то мы можем перекусить вместе. Уже бегу... Жди продолжения!

В душе у Людмилы Петровны творился сущий ад. Злость и боль разрывали на части ее одинокую душу, а обида душила мертвой хваткой: обида на жизнь в целом и на Игоря Яковлевича в частности. На жизнь за то, что на личном фронте у нее не складывалось, и вот уже семь лет она просыпалась в постели, подогретой лишь собственным телом; а на начальника за то, что он за ней никогда не заезжал и обедом не угощал. Женщина вывела на листочке три буквы: «ж», «д», «у», и вышла.

«Как же так?», – спрашивала себя весь путь вниз Людмила Петровна. Она ясно и далеко не один раз давала понять начальнику, что готова и, более того, страстно желает изменить формат их отношений с сугубо профессиональных на более интимные, но Плотницкий словно бы не замечал намеков. Годами их отношения пребывали в одном и том же виде, и это здорово било по женскому самолюбию. До недавнего времени Петровна успешно объясняла этот феномен тем, что с Игорем Яковлевичем что-то не так и настоящие леди его не интересуют, однако последние события разрушили эту теорию. От этого было горько и хотелось кричать.

За размышлениями Петровна не заметила, как снова оказалась наверху. Нехотя она отправилась дочитывать историю, которую на самом деле дочитывать ей совершенно не хотелось.

Он отвез меня не куда-нибудь, а в «Макдоналдс» (На секундочку!), и сказал, чтобы я выбирала все, что душе угодно: он угощает. После обеда я хотела ехать на работу, но Яковлевич сказал, что если я опоздаю, ничего страшного не случится и выговор я не получу, потому что он – мой начальник. К тому же мы смело можем сказать, что проясняли некоторые аспекты управления фуникулером. Ну, ты можешь себе такое представить, а?

Представлять такое, как и любое другое, Людмила Петровна не могла и не хотела. В ее голове всюю хозяйничали смутные предчувствия того, что и этим дело не кончится, а впереди ожидают еще более удручающие новости касательно того, как эта гадина в рабочее время развлекалась с шефом. «Здорово!», — написала в ответе раздосадованная машинистка и вернулась в кабину.

Пожалуй, если бы это было в ее силах, Людмила Петровна гнала бы фуникулер во весь опор, лишь бы поскорее завершить эту историю, каждая новая подробность которой оставляла глубокий шрам на сердце совершенно этого не заслужившей женщины, за всю свою жизнь так и не познавшей настоящей любви. В отношениях с мужчинами Людмиле не везло. Манифестацией этого невезения явился брак с неким Николаем. Почти каждый день по пути на работу Людмила Петровна пересекалась с Колей, попутно перекидываясь с ним парой-тройкой слов то о том, то о сем, потихоньку узнавая его, давая узнать себя. Все случилось настолько естественно и стремительно, что ни Коля, ни сама Людмила Петровна не поняли, как начали сожительствовать. Жить с мужчиной Петровне скорее нравилась, да только счастье продлилось недолго, и теперь единственным, что осталось от брака, были тонкое обручальное колечко, соответствующая запись в паспорте и время от времени приходящие по почте открытки, в которых супруг

рассказывал красочные истории о заморских странах, которые посещал в качестве матроса на сухогрузе.

Оператор Нина Сергеевна, казалось, была при смерти. Именно такое впечатление производило ее красное лицо. Очевидно, что в истории случился экстраординарный поворот событий, и, получив тетрадь, Людмила Петровна поняла, какой именно.

Ты бы знала, куда он меня повез! Никогда не поверишь! Я бы дала тебе три попытки отгадать, но, боюсь, тебе не хватит и тысячи! Это просто уму непостижимо, скажу тебе! Игорь Яковлевич, вот умора, потащил меня на кладбище! На могилу своих родителей. Ты вообще можешь себе такое представить? Плотницкий в рабочее время забрал меня из дому, накормил за свой счет в «Макдоналдсе» (!), после чего потащил на могилу своих родителей! Сможешь угадать, зачем?

С большим трудом Людмила Петровна вывела: «*Не маю жодної гадки*», – хотя где-то в глубине души у нее уже имелся ответ на этот вопрос. Верить в происходящее она не хотела, до последнего надеясь на то, что все это какая-то шутка, розыгрыш или просто недоразумение. Однако несчастной, с большим трудом сдерживающей слезы женщине было не до шуток: все складывалось настолько плохо, что хуже и не придумаешь.

По пути вниз улыбаться не пришлось – с озабоченным видом Михайловна с кем-то беседовала по телефону. А вот при подъеме чуть было не случилось нечто ужасное. Людмила Петровна и сама не поняла, откуда у нее взялись силы не выпрыгнуть из окна и, вскочив в проезжающий мимо вагончик, не совершить пугающее своей жестокостью убийство. Такой наглости она не ожидала даже от этой подлой душонки: в момент, когда они были буквально на расстоянии вытянутой руки, эта сволочь с улыбкой от уха до уха показала сверкающее золотое колечко на безымянном пальце левой руки. В одно мгновение самые страшные кошмары Людмилы Петровны стали явью.

Читать новое письмо было не обязательно – и так все ясно. Но чтобы не дать Нине Сергеевне лишнего повода для радости, Петровна вынуждена была это сделать:

Никогда бы не подумала, что Плотницкий такой безнадежный романтик! Он подвел меня к могиле и представил своим родителям так, будто они живые, а потом плюхнулся на колени и заорал, что в их присутствии хочет сделать мне предложение руки и сердца!

С каменным, не выражающим никаких эмоций лицом Петровна написала: «*Як я за вас рада! Словами не описати!*», – после чего, не найдя в себе сил закрыть тетрадь, проследовала в кабину – дожидаться очередного звонка и очередного послания. Будучи абсолютно опустошенной, она, даже не взглянув в сторону будущей супруги начальника, преодолела путь вниз и вверх и вскоре обнаружила очередное сообщение:

Короче говоря, горячо любимая мною подруга, ты можешь меня смело поздравить со скорой свадьбой, так как я, по понятным причинам, ответила Игореше (Так я его теперь называю – ему нравится), согласием. В конце концов, и тут ты со мной как никто другой согласишься, жених он завидный. К тому же начальникам не отказывают – так он мне сам сказал. Вот такие дела. Удивительная штука жизнь, верно?

По прочтении Людмиле Петровне стало дурно. Картинка перед глазами заплесала, и она едва не плюхнулась без сознания. Нина Сергеевна и сама была на грани припадка: такого развития событий, при всем богатстве своей фантазии, она и представить не могла. От удовольствия оператор прикрыла глаза: Господи, сейчас такое начнется!

Людмила Петровна ничего не ответила. Пошатываясь, фуникулерщица с трудом выбралась на свежий воздух и, подойдя к своему рабочему месту, обессиленная рухнула на жесткое неудобное кресло. Кажется, свадьбу Екатерины Михайловны и Плотницкого она не переживет. Хуже того: эта стерва наверняка возьмет фамилию мужа и станет Екатериной Михайловной Плотницкой!

Звонок, до боли знакомый, резкий, режущий ухо звонок, на который Людмила Петровна реагировала автоматически, по Павлову, в некотором роде вернул ее к жизни. Фуникулерщица глубоко вздохнула, совершила все требуемые протоколом действия и принялась медленно опускаться вниз. Она открыла форточку, и в кабину проник игривый ветерок. Ероша коротко остриженные волосы, он лихо расправился с каплями пота, краснотой лица и даже переживаниями, унеся их с собой в неизвестные дали. Людмиле Петровне стало лучше. Она поняла, что внезапно обрела новый смысл жизни: отныне ничто в целом мире не заботило ее больше, чем возможность поставить на место эту безродную выскочку и расстроить грядущую свадьбу с Плотницким. Благо, женитьба была лишь в планах, и в запасе оставалось какое-то время для того, чтобы, воспользовавшись всем своим коварством, побольнее укусить врага. Людмила Петровна хотела, чтобы все вернулось на круги своя, и готова была биться с любыми изменениями до последней капли крови.

Екатерина Михайловна улыбалась лучезарнее, чем обычно. Невозможно передать словами, насколько сильно это выводило из себя Петровну, в особенности в свете последних новостей. Собрав всю свою волю в кулак, вагоновожатая оскалилась, но мерзавке этого показалось мало, и она дружественно замахала белоснежной ручкой с пальчиком, обрамленным колечком! Петровне подумалось, что будет здорово, если фуникулер сойдет с рельсов, однако в таком случае пострадает и она сама. Кто же тогда возрадуется смерти Екатерины Михайловны?

Подняв тяжелую руку, Людмила Петровна совершила несколько вялых движений – пусть пока порадуется, паскуда, недолго осталось! Ненавистное лицо медленно проплыло мимо, и теперь в распоряжении было минут двадцать перед тем, как опять придется корчить из себя лучшую подругу. В тетрадке было вот что:

Ты что же, не рада за нас, подруга?

Фуникулерщица ответила: *«Та шо ти! Дуже рада! Від чистого серця поздоровляю вас і вважаю, що з вас вийде чудова пара! Коли весілля?»*. То, с каким безразличием были написаны эти слова, не могло породить и мысли о том, что в голове у Людмилы Петровны в этот самый момент созревал план мести, к осуществлению которого она намеревалась приступить немедленно.

Скрестив пальцы в надежде, что это поможет отодвинуть дату бракосочетания и подарит ей лишнее время для того, чтобы как следует все подготовить, машинистка опускалась вниз, пока навстречу ей не выплыла победно улыбающаяся Михайловна. Все внутри сжалось, но даже это не смогло заставить Петровну свернуть с избранного пути вендетты, и она радостно взмахнула рукой.

Проделав все те же действия и на обратном пути, Люда с коварной ухмылкой вошла в коморку и с нетерпением прочла такое важное для нее сообщение:

Мы пока что не решили: все произошло так быстро и неожиданно, что было не до таких мелочей. Я думаю, что свадьбу мы сыграем не раньше марта: я очень не люблю зиму! Ты, конечно, в числе приглашенных, подруга!

Как же хорошо стало на душе у Людмилы Петровны! Какое она почувствовала облегчение! Не менее трех месяцев, а то и больше, оставалось у нее в запасе для того, чтобы камня на камне не оставить от врага. Лучшего и придумать было нельзя! Стараясь скрыть свою радость, она написала: *«Я з тобою повністю згодна. Краще за все виходити заміж, коли тепло! Чекайте на мене! Такого я не пропущу нізащо в світі! Відірвемося з тобою на повну, подруго!»*.

Довольная, Людмила Петровна выпорхнула на перрон. Она находилась в прекрасном расположении духа. Времени до свадьбы оставалось предостаточно. Этот рейс на сегодня был последним, а завтра у нее выходной! Целый день можно будет провести в постели, слушая любимые музыкальные пластинки и разрабатывая план мести!

С радостью катила Петровна вниз, навстречу Екатерине Михайловне, в этот раз улыбаясь совершенно искренне: не менее трех месяцев! *«Скоро я розділюся з тобою!»*, – шепнула она

проплывающей мимо коллеге и залилась сатанинским смехом, от которого пассажиры в салоне вздрогнули.

Людей на перроне почти не было. Машинистка лениво рассматривала нескольких ожидавших транспорта пассажиров, как вдруг заметила бездомного, которого прогнала несколько часов тому назад. По старой привычке Петровна вознамерилась наброситься на бомжа, но в последний момент решила не портить замечательное свое настроение. Сделав вид, что она его не заметила, фуникулерщица переместилась с кормы на нос и принялась украдкой наблюдать за бродягой.

Вагончик медленно полз вверх, а женщина размышляла о бездомном, жалкий вид которого не выходил у нее из головы. Она настолько увлеклась этими мыслями, что не заметила попытки Екатерины Михайловны привлечь ее внимание – та истерически размахивала руками, указывая на колечко и, кажется, ей что-то кричала.

Женщине вспомнилось, что когда она прогоняла бродягу, он уверял, будто уже оплатил проезд. Наверное, для такого субъекта оплатить проезд – это почти подвиг, а цена за жетон – целое состояние. Женщине стало не по себе: и почему она не дала этому человеку возможность спуститься вниз? Впрочем, себя в этой ситуации она виноватой не считала: виновата была мерзавка, которая вывела ее из себя.

Петровну настолько замучила совесть, что когда последний рейс подошел к концу, она окликнула бездомного и с барского плеча пожаловала ему десять гривен – как компенсацию за причиненные неудобства. Впрочем, сделала она это для спасения своей души, а не для спасения тела бродяги...

В последнем на сегодня послании Екатерина Михайловна желала хороших выходных и сердечно благодарила «любимую сотрудницу» за теплые слова и прекрасные пожелания. Это порядком позабавило Людмилу Петровну. Она захлопнула тетрадь и с облегчением выдохнула. Впереди у нее было не меньше трех месяцев – и этого, конечно, хватит с головой.

Черный копатель

Для каждого кладоискателя особенно важен последний выезд в сезоне. Как и многое другое в нелегком и подчас опасном деле поиска артефактов, этот день насквозь пропитан мистицизмом, и, по мнению самых достойных представителей данного направления человеческой деятельности, именно от последнего в поисковом сезоне выезда напрямую зависят результаты сезона грядущего.

Пытаясь наладить связь между прошлым и настоящим, к каким только ухищрениям не прибегнешь: то сахарку лесному дедушке положишь, то монетку прикопаешь, а то и вовсе после удачного выезда вещи стирать не станешь. Предрассудки, скажете вы, и будете правы: кладоискатели – народ суеверный. У каждого из них припасена пара-тройка не поддающихся научному объяснению и здравому смыслу историй, приключившихся с ними в полях и лесах, которыми они делятся друг с другом, вызывая как минимум мурашки на коже, а то и вовсе благоговейную дрожь. Ну и как тут не стать суеверным?

Валерий, более известный в кругах увлеченных металлопоиском людей как Вольф Зауэр, в самой полной мере мог быть причислен к людям суеверным. Он трепетно относился к фортуне и всячески старался ее привлечь, впрочем, чаще всего безрезультатно. Валера никогда не пропускал завершающий выезд сезона, неизменно устраивая с камерадами небольшой праздник, отдавая почести году уходящему, надеясь, что грядущий окажется богаче на находки.

Закрытие этого сезона было для Вольфа особенно важным по нескольким причинам. Во-первых, из-за вялотекущей простуды он не смог воспользоваться преимуществами самого теплого на его веку декабря и выбраться на раскопки, а копать ему хотелось почти всегда; во-вторых, он свято верил в то, что находка стремится к настойчивому, и количество выездов рано или поздно перейдет в количество находок; в-третьих, согласно суевериям нельзя было просто взять и закрыть сезон, ведь это важное мероприятие должно было пройти в полном соответствии с устоявшимися в течение многих лет традициями; в-четвертых, по многочисленным свидетельствам более опытных кладоискателей, именно в этот день чаще всего происходили чудеса, и в самых неожиданных местах обнаруживались удивительные вещи.

Поскольку по профессии Валера являлся электриком, он не был обременен постоянным графиком работы (Как, впрочем, и большим заработком), и мог предаваться любимому делу не только по выходным дням, как большинство друзей, а и среди рабочей недели. Сегодня, специально ради поездки на раскопки, Валера освободился раньше обычного. Он даже перенес на субботу ремонт проводки в одной кафешке. Что уж говорить: Вольф Зауэр возлагал огромные надежды на этот день.

После работы он забежал домой и, прихватив еще с вечера собранный рюкзак, отправился на то же место, где им была поднята золотая цепочка, увенчанная увесистым крестом – до сего дня самая ценная Валерина находка. И хотя вероятность повторения успеха стремилась к нулю, пляжный песок являлся настолько подвижным и непредсказуемым грунтом, а вера в небывалое везение настолько крепка, что чудо вполне могло произойти снова. У Валеры было хорошее предчувствие. Чертовски хорошее предчувствие.

С самого начала все складывалось просто великолепно: едва Валера подошел к остановке, как подъехала маршрутка. В ней, к огромному удивлению и ликованию, даже оказалось свободным идеально подходящее для человека с большим рюкзаком место – одиночное, с правой стороны. Разместив рюкзак под сидением таким образом, чтобы не было видно лопаты (Вольф не раз говаривал самому себе и товарищам: «Скрытность – лучший друг поисковика»), он отправился в получасовое путешествие до Михайловской площади, по дороге грезя мифическими кладами и славой самого удачливого копателя в городе.

Путешествие на маршрутке прошло бесподобно быстро. Это укрепило уверенность Вольфа в том, что выезд получится незабываемым: когда все идет как по маслу, обязательно выскочит что-то хорошее. Оставшись незамеченным медленно прогуливающимся по Михайловской площади милицейским патрулем, Валера на мгновение задержался, пытаясь рассмотреть, не ему ли кричали люди из какой-то сомнительной компании, отдыхавшей на пластиковых стульях у пивного ларька, после чего изящно обошел замешкавшегося у входа бездомного с тачанкой и в прекрасном расположении духа ступил на платформу фуникулера, где был встречен испепеляющим взглядом преградившей ему путь женщины.

Валера был очень смущен такой бесцеремонностью. Являясь человеком воспитанным и тактичным (Этого из него не смогла выбить даже профессия), он сделал вид, что ничего необычного не заметил. Напевая какой-то малознакомый мотив, он проследовал в дальний конец платформы, к смотровой площадке с видом на город.

Отчаянные попытки вести себя непринужденно и уверенно не возымели никакого эффекта: женщина по-прежнему следила за каждым его шагом. Это одновременно раздражало и пугало Валеру: в любой момент работница могла вызвать милицию, и тогда ему не избежать долгих мучительных расспросов, а то и обыска. И все бы ничего, да только господин Зауэр отнюдь не был уверен в том, выложил ли он пару гильз и, самое главное, найденный на последнем выезде патрон к винтовке Крнка. Этот боеприпас калибром в полтора сантиметра считался довольно редкой штукой и являлся великолепной заготовкой для массо-габаритного макета, который можно было продать гривен за 70, а это тоже деньги, между прочим, на дороге не валяются.

Треклятая фуникулерщица поглядывала на Валеру так, словно все знала и, более того, готовила ему жуткую подлянку, но минуты томительного ожидания были прерваны спасительным звонком, пригласившим всех желающих поплотнее набиться в угловатый салончик фуникулера. Вольф в числе первых просочился в вагон и поспешил укрыться от глаз ходячего кошмара, смешавшись с толпой пассажиров. Благо, у женщины завязалась коллизия с пытавшимся прорваться к дверям оборванцем, которого Валерий видел у входа.

Под мерное шушуканье электромотора вагончик принялся опускаться вниз. Валера приближался к подарившему кучу положительных эмоций пляжику, но, несмотря на это, он себе места не находил. Встреча с вагоновожатой заставила его погрузиться в пучину сомнений, которые, в конце концов, вынудили предпринять попытку отыскать патрон в одном из карманов рюкзака, где, после недолгих поисков и к огромному сожалению, боеприпас был обнаружен.

В вагоне заиграла музыка. Негроидному мотиву в стиле R&B начали вторить несколько детских голосов, все еще не окрепших, все еще не готовых брать давно приевшиеся обертоны похожих как две капли воды попсовых певичек. Валера закатил глаза: подобная музыка, особенно в исполнении людей петь совершенно не умеющих, вызывала сугубо негативные эмоции. Он уже собрался сделать малолеткам замечание, однако в этот момент откуда-то сверху раздалось неопределенное шипение, а затем громоподобный голос: «Ану заспокоїлись мені там!». От неожиданности Валера едва не описался. Вне всякого сомнения, этот голос принадлежал той жуткой особе. Ему стало страшно, очень страшно.

В гробовой тишине фуникулер полз вниз. Вольф очень переживал. Если стражи порядка явятся к нему домой, с их стороны последует множество вопросов касательно ряда артефактов, находящихся в его личной коллекции. На многие из этих вопросов у Валеры могло и не найтись вразумительных ответов. С другой стороны, просто взять и выкинуть 70 гривен в его текущем финансовом положении будет, по меньшей мере, расточительством, не говоря уже о том, что выбрасывать находки было очень-очень-очень плохой приметой. Перрон стремительно приближался, а Валера по-прежнему не представлял, как ему следует поступить. В окошке уже замелькали люди, а он все держал патрон в своей стремительно потеющей левой ладони.

В этот раз решение пришло очень вовремя и было вот каким: в случае, если он заметит что-либо подозрительное, то просто выбросит патрон под ноги пассажирам – поди потом докажи, что это он сделал. Сказать, хорошая это была идея или не очень, было сложно, да только другой в этой экстремальной ситуации в голову не пришло.

Крепко сжимая боеприпас в руке, Валера затесался в толпу выходящих пассажиров и, словно пробка из бутылки шампанского, выскочил на свежий воздух. Не оборачиваясь, он перебежал на другую сторону дороги и только там почувствовал себя в безопасности. После всего произошедшего стало окончательно ясно: этот день принадлежит ему. Сегодня обязательно отыщется что-то небывалое: столько раз подряд без причины повезти не могло! Улыбнувшись, Валера спешно зашагал к мосту. Ему не терпелось найти небывалое, ему это было просто необходимо: Новый год на носу, а денег на подарки в обрез.

По дороге Вольф рассуждал о любимом деле. Он вспоминал уже найденное, мечтал о том, чего еще не находил. Губа оказалась не дура, и Валера сам себя осадил: нужно быть скромнее в желаниях. Но что, в сущности, было плохого в мечтах о дукатах и талерах? Ничего. Другие поисковики находили эти редчайшие монеты, почему бы и ему их не найти? Почему везет другим, а не ему? Чем он хуже?

Валера удивился тому, как быстро добрался до моста. За праздными размышлениями о везении, которого он уже заждался, время пролетело незаметно. Теперь оставалось сделать всего несколько шагов – и он ступит на вожделенный желтый песок городского пляжа.

Памятуя о старом копательском суеверии, гласящем: в случае удачного выхода на следуемом в точности повторять все свои действия, Валера дошел до истинного чуда советского промышленного дизайна – пляжного зонтика из добротной стали в палец толщиной, – и принялся быстрыми отточенными движениями готовиться к работе. Он расчехлил лопату, затем достал из кармана старые кожаные перчатки, которые успел привести в идеальное состояние за время, пока болел; далее вытащил металлоискатель и собрал его. Для соблюдения ритуала оставалось сделать кое-что важное, и Вольф полез за сахарком и побочным продуктом его брожения, которые являлись неизменными спутниками всех его поисковых экспедиций. Кусочек рафинада он заботливо уложил прямо на песок и щедро плеснул на него горькой – чтобы задобрить старика Хабарыча. Отхлебнув из фляги, он нащупал в кармане несколько монеток и запустил одну в воду, а вторую – в сторону леса: сахара и водки могло не хватить для искомого золотишка.

Валерий включил металлоискатель, и монотонный вой ветра разбавил неизменно вызывающий у него довольную ухмылку писк прибора. Сердце застучало быстрее, а внизу его несколько потерявшего былую форму живота запорхали бабочки. Размахивая детектором как косой, счастливый Вольф двинул вдоль кромки черной речной воды навстречу ожидающимся его находкам.

Буквально через несколько метров раздался первый сигнал – пробка. В метре от нее обнаружилась еще одна, точно такая же. Пропустив два сигнала: первый откровенно металлический, а второй неприятно кричащий (Наверняка фольга), Вольф ненадолго задержался у следующей ямки – никак не мог поймать в руку находку и все перекидывал ее туда-сюда. Копать простой лопатой на пляже было делом муторным, и Валера давно уже решил приобрести скуб, но то не было лишней налички, то времени, чтобы поехать и купить, то возникали более срочные траты на любимое хобби. Наконец, находка оказалась в руке, и, раскрыв ладонь, Вольф обнаружил пять копеек – начало положено! Спрятав монету в карман и забросав яму песком, он пошел дальше.

Мусора было тьма. Оно и понятно: все-таки пляж, да еще и в черте города. Умение нашего населения загаживать природу поисковикам было известно как никому другому: кишасшие мусором поля и леса нередко становились серьезным раздражителем для копателей и не позволяли в полной мере наслаждаться любимым занятием. Углубляясь в чащобу

на многие километры в надежде найти незамусоренное место, искатели с ужасом обнаруживали на огромном отдалении от деревень и дорог, на каком-то поросшем малинником холме водочные пробки и прочие атрибуты вечного алкогольного праздника, царящего в стране. Случались и совсем дикие и неподдающиеся объяснению находки: например, в чистом поле на глубине метра выкапывался самый обыкновенный кран, а в дремучем лесу, под столетним дубом в три обхвата шириной – свеженькое цинковое ведро. Это бесило настолько сильно, что опускались руки. Пожалуй, у каждого кладоискателя рано или поздно возникало желание забросить металлопоиск. Впрочем, это желание довольно быстро проходило, ибо поиск артефактов – это не хобби, а смысл жизни.

За первые полчаса раскопок Валере попалось уже восемь пробок от пива, две от водки, кусок алюминиевой проволоки, пара язычков от жестянок и лишь одна монетка – результат более чем скверный. Несмотря на это, он продолжал верить в положительный исход выезда: нужно лишь проявить терпение, и оно обязательно будет вознаграждено.

Когда прозвучал высокий ровный сигнал, сердце Валеры екнуло. Опыт нескольких лет поиска подсказал: вероятность хорошей находки очень высока. Он провел металлоискателем над местом – вдруг почудилось? Нет, сигнал был ровным и четким. С размаху ткнув лопатой, Валерий извлек некоторое количество песка, после чего провел над ним прибором – тишина. Он повторил свои действия – ничего. Пожалуй, на такой глубине металлоискатель никак не смог бы уловить монету или украшение, следовательно, он ошибся и обнаружил что-то другое, но что?

Сильнейший зуд, поразивший область левой лопатки, заставил Вольфа отвлечься от процесса поиска. Ловким движением руки он скинул перчатку и попытался достать до нужного места рукой, однако ни одна из попыток не увенчалась успехом – Валера никогда не отличался гибкостью. Он не сдавался, снова и снова пытаясь устранить неприятные ощущения. Это происходило до тех пор, пока он не заметил какого-то человека, пристально за ним наблюдавшего. Валера замер, испуганно и растерянно глядя на незваного гостя.

На раскопках Вольф всегда старался избегать лишних контактов с людьми, поскольку хобби имело полулегальный статус. Сегодня он никак не рассчитывал встретить кого-то на пляже, разве что ополоумевшего рыбака или такого же солдата удачи, как и он сам, из-за чего пренебрег обычными для себя мерами предосторожности и маскировки. Что делал этот подозрительный субъект на острове, было неясно, но, несмотря на это, Валера решил продолжать.

Произведя несколько мощных движений лопатой, он взял в руки прибор и провел им над образовавшейся кучей – металлоискатель громко взвизгнул. Раздираемый догадками, Вольф запустил руку в песок и тут же нащупал что-то большое и довольно тяжелое. При первом поверхностном осмотре нечто идентифицировано не было, а при повторном, более внимательном и с использованием функции «фонарик» на мобильном устройстве, было определено как рыболовное грузило. Расстройству не было предела: очень уж многообещающим был этот сигнал. Глубоко вздохнув, Вольф отправил находку в рюкзак – никогда не знаешь, что может пригодиться в хозяйстве. Он закопал яму, после чего взглянул в сторону мужчины – тот сидел, не меняя позы.

Валера зашагал дальше. Он пропустил несколько сомнительных сигналов, которые могли быть только пробками, после чего решил сделать небольшой перерыв. Глотнув горькой, он чуть было не решил сворачиваться, но вспомнив, что это последний выезд в сезоне, задумал еще раз попытать удачу и с утроенным энтузиазмом взялся за раскопки.

После водочки дело пошло на лад. В первой же яме выскочило немного ходячки – всего восемь монет на сумму 2 гривны 15 копеек, а во второй, неподалеку, еще 80 копеек. Надежда на положительный исход выезда была возрождена, и Вольф посапывая зарылся в песок, возясь с хорошим, но прерывистым сигналом. В этот раз не повезло, и он брезгливо закопал упаковку

от презерватива: ни стыда, ни совести – вот молодежь пошла. По какой-то причине он запомнил, что еще совсем недавно и сам развлекался неподалеку отсюда, на нудистском пляжике, и точно так же выбрасывал средства контрацепции на месте их использования, в тот момент не думая ни об экологии, ни тем более об археологии, которая в лице черных копателей когда-нибудь обязательно откопает следы его постыдного блуда. В те замечательные мгновения он думал о совсем других вещах...

Когда Валера выкапывал очередную пробку, он заметил, что тот мужик теперь наблюдает за ним из кустов. Вольф очень разозлился. Он схватил лопату, намереваясь швырнуть ее в извращенца, но в последний момент передумал, решив ограничиться самым грозным и презрительным взглядом, на который был способен. Мужчина не отреагировал. Бросив яму не закопанной, Валера заспешил прочь. Он был настолько возмущен, что не обернулся даже после того, как незнакомец ему что-то закричал.

С трудом справившись с волнением, Валера вернулся к поискам, и вскоре еще одна гривна отправилась в карман для находок. «Быть может, получится отбить хотя бы проезд?», – с нарочитой досадой в голосе полупшепотом промолвил Вольф. Дело в том, что в среде копателей бытовало старое поверье: если начать жаловаться старику Хабарычу на отсутствие везения и попросить о чем-то незначительном, дед разжалобится и обязательно вознаградит за скромность и старания хорошей находкой. Впрочем, надежда на положительный исход выезда уже почти умерла: что-то явно пошло не так...

«Ах ты, сука!», – внезапно Валеру осенило, и он злобно посмотрел в сторону непрошеного гостя. И как ему раньше в голову не пришло, что это он во всем виноват! Он и сглазил сегодняшний выезд, сволочь! Возмущение быстро сменилось приливом враждебности, однако желание как следует зарядить незнакомцу по морде было побеждено здравым смыслом. Цитируя отрывок из фильма с любимым актером, Вольф спросил самого себя: «Какие ваши доказательства?». Никаких доказательств у него не было, а одного смутного предчувствия было недостаточно для того, чтобы обвинить человека в сглазе.

Валера был трусом. Умение увиливать от проблем и конфликтов отчетливо прослеживалось с ранних лет его жизни. Во многом именно за это он со школьной скамьи был записан учителями в прекрасные дипломаты, а одноклассниками – в некое скользкое существо, которое во всех конфликтах почему-то оказывалось на стороне победителей. Вот и в этот раз Валера постарался убедить себя, что возможно ошибся; вот и в этот раз он себя в этом убедил.

Очередная находка не заставила себя долго ждать. Впрочем, она окончательно дестабилизировала Валеру: кому могло прийти в голову притащить на пляж и закопать на полуметровой глубине банку из-под краски? Вольф со всей силы зашвырнул находку в воду, злобно отбросил металлоискатель, достал флягу и втянул в себя остатки содержимого. Должно же это невезение когда-нибудь закончиться?

У самой кромки воды обнаружился неплохой сигнал. Не загадывая наперед и вообще стараясь не думать о том, что там, Валера извлек из земли первую хорошую находку: массивное кольцо, на котором можно было разглядеть надпись: «*Спаси и сохрани*». «Ну, наконец-то!», – подумал Вольф и взвесил в руке артефакт – навскидку грамма три, не меньше. Серебро – это хорошо, это всегда приятно. Если находится что-то серебряное, то выезд смело можно записывать себе в актив. В этом кольце, однако, смущало отсутствие патины – неужели все-таки не серебро?

Вольф достал из кармана бумажку – какой-то измятый кассовый чек, – и попробовал оставить на нем след кольцом: если это старина Сильвер, должна остаться серая полоса, словно от графитового карандаша. Увы, на проверку находка оказалась не из драгоценного металла. Это стало крайне неприятным сюрпризом для Вольфа, который небезосновательно полагал, что уж на серебряное колечко сегодня точно наработал. По всей видимости, у старика Хабарыча на этот счет было совершенно другое мнение.

Пожалуй, самым приятным в находке было то, что с момента окончания пляжного сезона по этому месту прошли десятки копателей, а кольцо нашел именно он. Валера знал свое дело. Он считал себя хорошим и опытным поисковиком, во всяком случае лучшим, чем подавляющее большинство. Такая находка в самом конце сезона, да еще и в выхоженном копателями вдоль и поперек месте, подтверждала его точку зрения. Причинами, по которым хорошие находки реже других радовали Вольфа, были отсутствие форта и плохой металлоискатель, а ведь именно эти две составляющие и являлись главными слагаемыми успеха в сложном поисковом деле. Вольф был абсолютно уверен в том, что делает все правильно и проблема отсутствия находок заключается не в нем. Он спрятал кольцо в карман для особых, исключительно ценных артефактов: то ли еще будет!

За любимым занятием время пролетело незаметно. Взглянув на экран телефона, Валера с ужасом отметил, что очень скоро необходимо выдвигаться в обратный путь. Сегодняшний выезд был совсем не таким, каким хотел бы его видеть Валера. Одну за другой выкапывая пробки, их счет давно перевалил за третий десяток, Валера постепенно раскалялся, а его головой стремительно овладевали старые-добрые мысли о несправедливости. Да, он не очень-то напрягался ради заработка, откровенно плохо учился, предпочитая книгам посиделки с друзьями во дворе под пиво «Жигулевское» и песни Виктора Цоя. Судьба не раз предоставляла ему замечательные возможности улучшить свое положение, но Валера ими так и не воспользовался – то ленился, то в упор не видел, как следует поступить, то просто не везло. Нет, к жизни Валера претензий не предъявлял, но археология – это совсем другое дело. На выездах он старался как мог, каждый раз прилагая нечеловеческие усилия и доводя свое тело до крайней степени изнеможения, но результат не радовал.

Валера замечтался. Позабыв о времени, о том, зачем тут находится, он погрузился в размышления о жизни, однако резкий порыв ветра, едва не сбивший его с ног, подействовал как хорошая оплеуха. Копать оставалось всего ничего, а из находок – колечко, грузило да гривен 5 мелочью. Вольф побрел в сторону пляжного зонтика, дойдя до которого упаковал свои манатки и пересчитал найденные монетки: всего 6 гривен 65 копеек – закрытие сезона было с треском провалено. Бедолага медленно поплелся домой. Он пребывал в ужасном расположении духа. Казалось, все сегодня должно было сложиться совсем иначе, и он вполне мог рассчитывать на удачу...

Иногда и у Вольфа случались моменты, когда он всерьез задумывался над тем, что пора забросить любимое хобби и порвать с археологией, но, не покопав всего неделю, его начинало непреодолимо тянуть в поля и леса: раскопки были его наркотиком. Ежедневно его знакомые находили клады и редкие артефакты, хвастливо выкладывая фотографии на всеобщее обозрение – это здорово мотивировало. Пуская слюни от неприкрытой зависти, Валера мог часами рассматривать вожаемые находки, медитируя и настраивая себя на то, что в следующий раз и он найдет что-то подобное. Раз везло кому-то, значит, и ему должно повезти. Надо лишь терпеливо ждать – и на его улице наступит праздник.

Валера успел достаточно далеко отойти от навеса, как вдруг его осенило: он забыл поблагодарить дедушку Хабарыча! Такая оплошность не сулила в следующем сезоне ровным счетом ничего хорошего: как и любой старик, лесной дед отличался переменчивым характером, и даже самое незначительное проявление неуважения могло не на шутку его разозлить. Ну, а если разозлить старика, то тут как ни старайся, а находок не видать как собственных ушей. И хотя сегодня благодарить старого жмота, в сущности, было не за что, Валера все равно достал оставшиеся три куска сахара и отправил один в сторону деревьев, а два других в воду – рыбкам на корм. Это незамысловатое действие Вольф Зауэр сопроводил скупыми словами благодарности за прекрасный сезон и замечательный день, закинул рюкзак на спину и заспешил домой: ему натерпелось оказаться в теплой постели. А находки? Повезет в следующем году. Когда-то же должно повезти!

До закрытия фуникулера оставалось минут двадцать. Валера прибавил шагу и в скором времени достиг нижней станции. В ожидании зеленого света он стоял на перекрестке, как вдруг услышал звонок. Невзирая на запрещающий сигнал светофора, Вольф ринулся на другую сторону и в последний момент вскочил в закрывающиеся двери. Запыхавшись от короткого, но интенсивного забега, он с облегчением выдохнул и только тогда обратил внимание, что почти все внутреннее пространство салона занято детской коляской, доверху набитой всяким хламом. В углу, развалившись на лавке, сидел человек, здорово походивший на бездомного, которого Валера видел по дороге на пляж. Вольф кивнул пассажиру, уселся в угол и уставился в окошко, но бродяга с ним заговорил:

- Как ваш день? – Валера как-то автоматически, хоть все и слышал, переспросил.
- Простите?
- День как прошел? – повторил оборванец.
- Ничего, спасибо.
- У меня тоже ничего, – зачем-то сообщил бомж.

По пути домой Вольф размышлял над тем, почему, несмотря на предчувствие, он сегодня опять ничего не нашел. По какой-то причине хорошие находки попадались ему крайне редко. Странно, ведь прибор у него ничуть не хуже, чем у тех, кто регулярно находил артефакты, о которых Валера мог только мечтать; да и задницу он рвал не меньше остальных. Дело тут было в чем-то другом, и Вольф едва ли не больше всего в жизни хотел понять, в чем именно.

Впрочем, даже несмотря на очередное фиаско, Вольф не собирался бросать любимое хобби. Более того, он уже вынашивал планы, куда поедет в следующем году. Уже давно он хотел заглянуть в один лесок в Черкасской области, рядом с домом родителей его жены, где, по рассказам местных старожилов, когда-то был небольшой хуторок. Пожалуй, в следующем сезоне он непременно должен туда попасть: уж там-то точно что-то выскочит! Пугало лишь то, что с везением на будущий год могут возникнуть проблемы, поскольку сакральное окончание этого сезона было с треском провалено, и провалено оно было, в этом Валера нисколько не сомневался, по причине сглаза. Все сегодня говорило в пользу того, что выезд будет расчудесный, но тот странный тип все испортил – точно сглаз.

Поскольку Валера не знал никаких других способов борьбы с порчей, кроме похода в церковь, он на всякий случай решил на днях сходить в храм Божий и поставить свечку. Также он прикинул, что до Нового года можно еще разок выбраться на раскопки: больно уж не хотелось заканчивать сезон неудачей. По прогнозу на завтра обещали ощутимое похолодание, но без осадков. Пожалуй, завтра можно сезон и закрыть.

Валера уже принялся размышлять, куда бы ему податься, как вдруг вспомнил о работе в кафе. Плевать! На обратном пути он на часок заскочит в парк неподалеку от дома – уж там, вне всякого сомнения, хоть что-то да найдется. Рано или поздно он доконает этого старого жмота – Хабарыча. Рано или поздно ему по-настоящему повезет. И, пожалуй, это вполне может произойти завтра. У Валеры было хорошее предчувствие. Очень хорошее предчувствие...

Утопленник

Молодой человек выглянул из старого, изъеденного ржавчиной строительного вагончика, который вот уже три месяца являлся его домом. Отсутствующим взглядом он обвел вверенную ему территорию, как обводил по несколько раз в день: бессмысленно, безмысленно, безнадежно.

Странная работенка: охранять скопление потрепанных сеток и старых автомобильных покрышек, являющихся составной частью так называемого поля для пейнтбола. Что тут красть? Дрова, в прошлом являвшиеся самодельной деревянной лестницей, тоже у кого-то, по всей видимости, украденной? Побитый ржавчиной старый топор? Вряд ли он является сколько-нибудь желанным трофеем для порядочного вора. Впрочем, раз его наняли, значит это кому-нибудь нужно.

Идти ему все равно было некуда: отчий дом находился далеко, да и домом он его больше не считал. Там все было чужое: люди, которых он когда-то любил и считал своей семьей, места, в которых рос и становился мужчиной. Все изменила война, расколовшая тамошнее общество на тех, кто приветствовал новый режим, и тех, кому было что терять.

Максим, однако, оказался в числе тех немногих, кому новый режим был противен. По мере развития политических событий домашние споры и незначительные конфликты переросли в систематическую конфронтацию. В скором времени на семейном совете постановили, что Максиму следует покинуть дом и больше никогда не возвращаться. Он с радостью согласился и, собрав немногочисленные пожитки, отправился в Киев.

Он преодолел все блокпосты, которых на пути было удручающе много. Где нужно – «подмазал», когда закончились деньги – отдал мобильный телефон, затем – серебряное кольцо-печатку, нательный крест и даже швейцарский перочинный нож. Он нагло врал и клялся, что всем сердцем и душой любит родные места, верит в светлое будущее республики и ни за что на свете не променяет терриконы и запыленные сажей подоконники на что-то другое. Со скрипом его пропускали.

А на самом последнем блокпосте, прямо перед границей, он не смог договориться: не поверил невысокий парень с бугристым лицом, что у Максима ничего ценного не осталось. Сепаратист приказал вывернуть карманы, и ничего в них не обнаружив поинтересовался, как можно ехать в Киев без копейки за душой. Максим не ответил. За дерзость его пнули в живот прикладом. Лежа на земле, бедолага глядел на сидящего на корточках невысокого парня с бугристым лицом. Живот пылал огнем, но Максиму было плевать. Он был готов на все, лишь бы оказаться по ту сторону.

Когда после многочисленных злоключений Максим все же достиг Киева, он подумал, что теперь начнется настоящая жизнь: он обзаведется новыми знакомыми, устроится на работу, быть может, пойдет учиться. Парень верил, что все непременно наладится, но получилось совсем по-другому. Чернорабочих, готовых грызть бетон за копейки, в городе было полно, да и об учебе думать было поздно: сроки поступления он пропустил. К тому же все усложняли сломанные тем гадом ребра. Парню срочно требовалась крыша над головой и немного покоя.

Максим обосновался на вокзале. Днем тынялся по околицам в поисках еды и работы – благо, было еще не холодно; а по ночам устраивался где-нибудь в холле. В скором времени одежда поистрепалась, и стало труднее убеждать сотрудников железной дороги, что он не бездомный, а просто ожидает свой поезд. Люди не были к нему ни добры, ни злы: они просто выполняли свою работу.

А потом случилось чудо: он увидел объявление о поиске сторожа поля для пейнтбола, располагающегося на Трухановом острове. Платили, конечно, немного, но найти жилье само по себе было большой удачей. Да и место сперва показалось замечательным: почти дом отдыха,

да еще и с видом на город. Тут, подумал Максим, он сможет перезимовать и зализать раны. Так и началась новая страница его жизни, в которой он тяготился одиночеством и безысходностью больше, чем когда-либо прежде.

Впрочем, в последние дни Максим совсем раскис: почти не спал, почти не ел, а весь сегодняшний день и вовсе провел в кровати. Он неуверенно ступил на песок, который предательски залясал у него под ногами, как залясало и все вокруг. В приступе слабости, накотившей безжалостной волной, Максим оперся рукой о небольшое деревце, что росло прямо у входа в вагончик, и закрыл глаза. Отпустило. Стало быть, и дерево можно оставить в покое.

Свежий морозный воздух отрезвил. Потерев глаза, Максим увидел, что уже темно. Наступило самое тяжелое время суток – ночь. В темноте особенно сильно чувствовались одиночество и холод. И хотя к вагончику был подведен свет, который парень никогда не выключал, хотя там имелся калорифер, помещение казалось совершенно безжизненным и насквозь пропитанным сыростью, одиночеством и безнадежностью. Ночь и холод стали главными врагами Максима. Ночь, душевный холод и... вода.

Странный звук привлек внимание. Паренек замер, не двигаясь и не дыша, пытаясь слышать что-то в монотонном завывании ветра и шелесте листьев. Звук доносился со стороны реки и был похож то ли на писк, то ли на скрип. Он что-то напоминал, но вспомнить, что именно, никак не удавалось. Заперев коморку, Максим побрел к реке.

Не без труда забравшись на песчаный бархан, он окинул взглядом узкую полоску берега и примерно в тридцати метрах заметил стоящего на коленях мужчину с металлоискателем, который выискивал что-то в речном песке. Смотреть за поиском артефактов было куда интереснее, чем сидеть в ненавистном вагончике, и Максим устало опустился на песок, обнял колени руками и принялся наблюдать.

Выкопав яму, мужчина взял что-то правой рукой и провел ею у металлоискателя – раздался писк. Поискник отложил прибор в сторону и с воодушевлением принялся разглядывать находку, которую, впрочем, через мгновение злобно зашвырнул в реку. Он закопал яму, взял металлоискатель и, водя им параллельно земле на расстоянии нескольких сантиметров, медленно побрел вдоль кромки воды. Периодически приспособление издавало звуки, отличавшиеся частотой и высотой звучания. Каждый раз, когда это случалось, мужик останавливался, несколько раз проводил металлоискателем над местом, где раздался звук, принимая решение, стоит копать или нет. Как правило, мужчина двигался дальше.

Над одним из сигналов археолог задержался дольше обычного. Он выкопал довольно глубокую яму, но все никак не мог обнаружить предмет. После нескольких минут безуспешных поисков незнакомец вскочил, сделал неопределенное движение рукой и только тогда заметил Максима, пристально за ним наблюдавшего. Копатель испугался. Какое-то время он в нерешительности топтался на месте, но ввиду того, что Максим не предпринимал никаких действий, вернулся к поискам.

Уже совсем стемнело, но свет с той стороны реки, свет никогда не засыпающего города оживлял пустой берег. Теперь Максим видел лишь смутные очертания человека с металлоискателем, который постепенно удалялся, двигаясь выше по течению. Вскоре он растворится в темноте, оставив по себе лишь звук. Живой человек превратится в звук. И он. Тоже.

От этой мысли Максиму стало невыносимо тоскливо. Ему не хотелось, чтобы мужчина уходил, ему не хотелось оставаться одному. Только не теперь, только не сегодня. Этот день был особенно тяжелым: словно все проведенное на острове время, с каждой секундой которого он неистово боролся, навалилось невыносимым грузом. Максиму не хотелось оставаться в одиночестве настолько сильно, что он готов был умолять незнакомого человека не бросать его одного. Он с радостью пригласил бы мужика к себе в вагончик, поделил бы с ним все его радости и горести. Он готов был слушать гостя сколько угодно, сколько будет нужно, а если понадобится – дать совет: искренний, мудрый, лучший, на который способен; лишь бы не оста-

ваться одному, только не этой ночью. Однако в глубине души Максим понимал, что эту ночь ему предстоит пережить в одиночестве, как и множество ночей до нее, как и некоторое количество после.

На правом берегу зазвучала музыка – что-то электронное, быстрое, веселое. Раздался чей-то крик, к нему присоединились другие. Кричали от радости, в приступе счастья и безудержного веселья. «Как же там, должно быть, хорошо», – подумал Максим. Словно в подтверждение его мыслей раздался взрыв, за ним еще один, потом еще: над островом взметнулось несколько красочных фейерверков, от которых все вокруг засияло яркими красками. С того берега донеслась новая порция одобрительных возгласов: люди продолжали развлекаться. Вероятно, сегодня какой-то праздник. Максим попытался припомнить день недели, но не смог: он давно уже жил, не считая дней и не думая о времени. Для него существовали лишь день и ночь.

Парню захотелось узнать, что за повод у такого красочного и шумного мероприятия. Ему захотелось разделить с этими людьми праздничное настроение. Он умел радоваться за других, искренне радоваться именно за других, так как в его жизни давно уже не происходило ничего, чему можно было порадоваться. Бедолага хотел радоваться, хоть иногда, хоть за кого-то, даже в ущерб себе: осознание того, что у других есть что-то, чего он всю жизнь безрезультатно пытался достичь, дарило ему призрачную надежду на лучшее.

Эта музыка, эти голоса с противоположного берега не давали бедняге покоя. Они буравили парню голову, разрывали ее своей неистово-веселой вибрацией. Там, на том берегу, текла настоящая жизнь, и только полоска воды, не такая уж и широкая полоска черной воды отделяла Максима от голосов, от радости, от букета эмоций и красок. Три месяца, три долгих месяца вода сдерживала паренька. Вот и теперь только она стояла между ним и жизнью, между шумом ветра и живым человеческим голосом, между возможностью порадоваться за кого-то и вечным забвением. Максим ненавидел воду.

Подъехало несколько автомашин. Они припарковались прямо напротив того места, где сидел Максим. Зачем-то оставленные включенными фары мешали наблюдать за происходящим. Парню стало тошно, и он решил вернуться в кровать. Он с трудом поднялся и сделал несколько шагов по направлению к треклятому вагончику. Ему чертовски не хотелось возвращаться в тишину и темень, однако оставаться тут, не имея возможности что-либо предпринять, быть свидетелем того, как кто-то радуется и наслаждается жизнью, было еще тяжелее. Еле передвигая ноги, Максим забрался на песочную насыпь, но идти дальше не стал. Он немного постоял, стараясь потратить на это как можно больше времени, сделал неуверенный шаг вперед, снова замер, потом вернулся на прежнее место. Ничего не тянуло его назад, в крошечную ненавистную коморку. Наоборот, чем больше времени он проведет на свежем воздухе, чем больше времени потратит впустую, тем лучше.

Он осмотрелся – никого. Только мысли об одиночестве, черная вода, желтый песок и вечно шумящий лес за спиной. А вот с той стороны реки доносилась музыка, на набережной мельтешили силуэты людей, мелькали вспышки фотоаппаратов. Максим подошел к самой кромке воды, пытаясь разглядеть, что творится на другом берегу, но поскольку до него было далеко, происходившее там осталось тайной. Опять тайна. Очередная. Все, что там происходило, было для Максима тайной. Много, чертовски много таких тайн накопилось за три месяца. О, как ему хотелось раскрыть хотя бы одну из них!

Парень медленно побрел в сторону залитого светом Пешеходного моста. Шел он бесцельно, ни о чем конкретном не думая, скорее от безысходности, чтобы чем-то себя занять. Он дошел до зонтика и решил обождать тут – вдруг получится перекинуться парой-тройкой слов с тем мужчиной и почувствовать себя живым человеком? О большем он и мечтать не смеет!

Сложив руки на груди, Максим наблюдал за потоком автомобилей, мчавшихся по набережной. Он думал о том, как здорово иметь место, в которое хочется поскорее вернуться.

Пожалуй, когда человеку есть куда спешить, он уже по-своему счастлив. И вот перед ним сотни людей куда-то спешили...

Максим просидел так до тех пор, пока от холодного ветра не перестал чувствовать конечности. Он встал, сделал несколько приседаний и медленно побрел в ту сторону, куда направился археолог. Он дошел до разросшегося у воды кустарника и, выглянув из-за него, увидел поисковика, который увлеченно перебирал песок. Не решаясь его окликнуть, Максим наблюдал за раскопками до тех пор, пока его не заметили. Мужчина здорово испугался и быстрым шагом заспешил прочь. Максим попытался его окликнуть и пояснить, что вреда не причинит и просто хочет пообщаться, но невнятный звук, сорвавшийся с его уст, не был услышан стремительно удаляющимся человеком: чертов ветер, почти кровный враг, унес его.

Возвращаться в сырой вагончик совершенно не хотелось, и Максим задумал еще немного побыть на пляжике – понаблюдать за тем, как на другой стороне реки протекает жизнь большого города. Усевшись на песок, он уставился на мерцающие огни Подола и просидел так до тех пор, пока не заметил какой-то предмет, плывший метрах в пятидесяти от берега. Максим подошел к воде...

Пульс подскочил так резко, словно кто-то выстрелил у Максима над ухом, голова пошла кругом, подкосились ноги – по воде плыло тело. На черной глади реки силуэт был почти неразличим, однако парень был в этом абсолютно уверен.

Несколько мгновений он метался вдоль берега, пока в его сознании сердитым потоком бурлили мысли: что делать? Колебания, однако, были недолгими: если человек еще жив, то каждая секунда на счету!

Максим сбросил с себя одежду – намокшие вещи будут тянуть на дно, – и быстрыми шагами начал заходить в реку. Вода показалась горячей. Она нестерпимо жгла ноги. Только когда в черной воде оказался по пояс, он почувствовал жуткий холод, который через мгновение овладел всем телом. Впрочем, это произошло слишком поздно...

Несколько мощных гребков подарили уверенность в том, что осуществить задуманное будет легко. Свет автомобильных фар служил прекрасным ориентиром, благодаря которому Максим знал, где находится противоположный берег. Но довольно скоро он почувствовал резко проявившуюся в конечностях усталость. Грудную клетку словно сжали невидимые клещи – стало трудно дышать. Парень не обращал на все это внимания: овладевшая разумом истерия мешала осознать всю плачевность ситуации, в которой он оказался. Он думал, что по-прежнему полон сил, и нисколько не сомневался, что спасет утопающего...

Максим попытался оценить, сколько проплыл, но обнаружил, что берег был намного ближе, чем он предполагал. Тела видно не было. Он растерялся и чуть было не поддался мимолетной слабости и не поплыл назад, но сомнения были отброшены, разбиты о решимость и удаль безумца: он должен спасти человека.

Пока Максим пытался что-то разглядеть, быстрое течение отнесло его в сторону, и он потратил последние силы на борьбу с рекой. Его мучила сильная одышка, руки и ноги почти не слушались, а движения стали резкими и угловатыми. В голове зарождалось чувство тревоги, однако Максим не хотел ему поддаваться, пытаясь занять себя мыслями о чем-то хорошем, продолжая ошалело грести по направлению к нескончаемому потоку света.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.